

Я ХОЧУ, ЧТОБЫ ТЫ ВСПОМНИЛ

КНИГА 1
БЕСКОНЕЧНЫЙ КАНОН
#1.1

СВЕТЛАНА
ГОНЧАРЕНКО
(АЛКЕЯ)

16+

Светлана Гончаренко (Алкея)
Я хочу, чтобы ты
вспомнил... Книга 1.
Бесконечный канон #1.1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44909093

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-95280-5

Аннотация

Всё в этом мире покрыто мраком неизвестности до поры, до времени. И вот, наконец, учёным забрезжил лучик надежды приподнять этот полог – проникнуть в святая святых – распознать механизмы взаимодействия мозга и сознания, понять, что из себя представляет память, и где она храниться, как информация попадает из памяти в сознание, как взаимодействует с подсознанием и влияет на бессознательные процессы. И всё потому, что Лоуренс каким-то необъяснимым пока способом интегрировал искусственный интеллект со своим мозгом... Бесконечный канон мироздания звучит новыми аккордами, а приключения героев только начинаются. Успеет ли Герман спасти свою возлюбленную? Зачем Лоуренсы устроили интервью с режиссёром кино? Удастся ли Ио вспомнить, кто она и для чего оказалась на Мысе Надежды?

Обложка создана при помощи сервиса Canva.

Содержание

Вступление от автора. Суррогаты	6
КНИГА 1	8
ГЛАВА 1	9
1.	19
2.	28
3.	34
4.	55
5.	76
6.	89
7.	105
8.	111
9.	121
Конец ознакомительного фрагмента.	131

**Светлана
Гончаренко (Алкея)
Я хочу, чтобы ты
вспомнил... Книга 1.
Бесконечный канон #1.1**

Это суть две маслины и два светильника, стоящие пред Богом.

Откровение Иоанна Богослова 11:4

Вступление от автора. Суррогаты

Нонсенс. Поэт пишет роман-фантазию.

Теперь, когда основная космогония романа уже создана, ничто не удерживает меня на этом берегу – в томительных исследованиях, поисках новых знаний во тьме минувших эпох.

Да, были ли они эти эпохи?

Иллюзорность моей реальности становится всё более ощутимой. Похоже, все люди, среди которых я тут томлюсь, как в глухой и гнилой насквозь темнице, огрубели настолько, что даже не способны к соучастию. Мне всё больше кажется, что они приобретают черты нарисованных некогда воображением писателей-фантазёров пустых отражений, аватаров, трансформеров, аналогов, репликантов, суррогатов.

Они временами движутся, что-то делают даже, как живые. Но они лишь жалкие «заменители человека», тела без духа и души. Их интеллект сведён к сухой математике, которой они сами не знают и не понимают, словно «живут» всегда под плотным покровом виртуальной вуали.

Их чувственный опыт не более отличим от такого же у скотов и гадов земных. Всё чаще они скованы оцепенением и смотрят в пустоту перед собой, не замечая никого и ничего вокруг.

Я столкнулась с такими вчера. И ужаснулась своей участи. Глупенькая!

Позволила себе задуматься на ходу. Чуть не угодила в лапы безмозглого пьяного и дикого кретина. А эти, суррогаты, стояли рядом тупыми статуями, немymi и глухими ко всему. Я, было, обратилась за помощью – к кому?! – они даже не вздрогнули.

Мир всё больше цепенеет, всё больше погружается в какой-то непроглядный мрак.

Я больше не вернусь к этому. Просто пушусь в отчаянное плавание по бурным водам творческой мысли. Шторма тут не редки, но они лишь подгоняют мой парус – распахнутый всем ветрам – быстрее достигнуть желанного берега. И поставить свою главную точку. Роман должен быть написан, как можно скорее.

Знаю, живые, настоящие люди где-то есть. Быть может, моя книга затронет их, пробудит от нелепого виртуального сна, позволит стряхнуть с плеч это оцепенение, взглянуть на мир открытыми глазами и полюбить его живым сердцем.

Алкея (Светлана Гончаренко)

01.07.2019г.

КНИГА 1

БЕСКОНЕЧНЫЙ КАНОН

Часть 1

У каждого из нас, должно быть, есть точка на карте жизни, откуда начинается опасное и полное нелицеприятных открытий путешествие. Путешествие в себя. О, нет, это далеко не банальное самокопание с доставанием скелетов из шкафа памяти, а настоящий подвиг, символ которого крест. Там, где сходятся вместе меридиан извечного духовного поиска с глубочайшим изломом, сильнейшим потрясением или величайшей катастрофой на параллели тленного человеческого бытия, и происходит начало его. Не каждый готов нести этот крест и познать себя до конца и пережить тяжелейшие испытания, начертанные на этом пути. Он совершается по доброй воле идущего. Кто вложил в него эту волю и силу нести этот крест – никем ещё не познанная тайна. Но если ты ступил на этот путь однажды, уже не сходи и не жди награды, как все ищущие себе почестей и славы, и великих благ. И эта тайна, и этот крест, и этот путь – всё ради жизни – её непреложного торжества и бесконечного начала.

ГЛАВА 1

КАЛЕЙДОСКОП

УЛЫБОК МОНЫ ЛИЗЫ

Архив Спектрума.

Раздел: Хроники Великой Катастрофы.

Файл: Речь Мило Гнедичева, третьего президента Евразийского Альянса.

Дата: 21 июня 2158 года.

Примечание: Деагeнaция запрещeна.

Мы выстояли, мы выжили, значит, жизнь продолжается! Наши дети и дети наших детей во всех последующих поколениях должны сохранить память о том, что довелось увидеть и пережить нам, тридцать лет назад. Я расскажу, а вы внимайте.

В 2128 году две величайших трагедии постигли Землю одновременно. Парадоксально, но то, чего мир боялся и чему противопоставил мощное орудие для выживания человечества, стало спасением от того, что ему противостояло.

Мы боялись астероида, периодически сближающегося с Землёй. Наши отцы когда-то прозвали его Апофисом. Катаклизмы были неизбежны при близком пролёте космиче-

ского странника у нашей орбиты. Учёные определяли опасность столкновения с ним весьма вероятной. Хотя этого в очередной раз не произошло, последствия гравитационного воздействия двух космических объектов – Земли и Апофиса – были для нас не менее губительны.

Незадолго до катастрофы мы создали Легион – глобальную систему жизнеобеспечения с поддержкой отрядов андроидов-трансформеров, управляемых из Единого Центра в Северной Америке.

Возможных сценариев было великое множество. И мы подготовились, поверив Центру исследований космоса, их незабвенным сотрудникам – смелым учёным, не побоявшимся скептического мнения общественности и предоставившим свои расчёты, их полный анализ и доходчивую интерпретацию. Уиллем Беркович, Джон Криг, Роджер Хитроу и Иван Смолянинов – мы обязаны им разработкой программы по подготовке к великим испытаниям. Менее чем за два года были созданы города-убежища, города-пирамиды, склады продовольствия и воды. Специальная технология консервации крупных строений позволила нам сохранить некоторые наиважнейшие объекты архитектуры и инфраструктуры.

Мы перешли в режим готовности к переменам. И нашим козырем был Легион: глобальная система «Умный дом», Всевидящее Око, Глобальный Нейронет и спасательные отряды андроидов, стоявших на страже общественного поряд-

ка в городах и обеспечивавших надёжную помощь в любых нештатных ситуациях за пределами укреплённых убежищ.

Легионеры представляли собой саморазборные машины из миллироботов по типу триботов-трансформеров. Они выдерживали любые температурные колебания, им была не страшна загрязнённая атмосфера. Они строили убежища, искали пропавших без вести, разбирали завалы после землетрясений и цунами, оказывали первую медпомощь. Каждый андроид распадался на рой триботов – до нескольких тысяч штук, созданных из гибких гибридных метаматериалов. Никакие факторы, как мы полагали, не могли повлиять на эффективность Легиона в деле спасения человечества в случае глобального катаклизма.

Спустя много лет мы смогли проанализировать всё, что произошло во время прихода Апофиса. Тогда и выяснилось, что системы контроля центрального узла мощнейшей нейросети, которая управляла жизнеобеспечением городов и соединяла всех андроидов в единый кибернетический организм, дали критический сбой. Рабочие узлы распределённой сети сохранили кэш-след отчётности того периода. Очевидно, создатели Легиона, подверженные нараставшему напряжению, не учли некоторые факторы, пропустили ошибки в исходном коде. И орудие спасения обернулось против людей. Сначала аномально отреагировала система «Умный дом».

Задолго до прихода астероида люди уже привыкли доверять искусственному интеллекту, управлявшему производ-

ственными процессами, транспортом и техническим обслуживанием жилищ. Мы живём в содружестве с технологиями около двухсот лет. Поэтому во время глобального катаклизма все мы полностью положились на Легион с его способностью находить альтернативные источники энергии, нейтринными системами связи и новыми технологиями жизнеобеспечения. Но... Системная ошибка стоила нам жизней миллионов людей на планете.

Будучи подключенными к Нейронету, люди подолгу оставались в индивидуальных капсулах жилых секторов и пребывали в виртуальной реальности развлечений. В какой-то момент система идентифицировала хозяев как мусор. В капсулах была проведена генеральная уборка, а тела людей смыты в мусороприёмник на молекулярную разборку. Так погибли даже сами создатели Легиона. Мир охватил ужас.

В панике многие покидали убежища, собирались в страхе на площадях городов. На Свободных Землях люди не выдерживали голода и болезней, бродили в поисках пропитания, в полном помешательстве рассудка пытались расхищать неукреплённые поселения. Толпы, охваченные паникой, вели себя неадекватно.

Этим пользовались асоциальные элементы: участились случаи грабежей на складах продовольствия и промтоваров. Были расхищены некоторые военные базы. К этому времени у нас уже давно не было войн и крупных межэтнических и политических конфликтов, не было ни государств, ни гра-

ниц, мир был един, как он един и сегодня. Военные мощности были только у частных охранных предприятий при корпорациях, всемирной организации правопорядка Интерпол и Временного мирового правительства на базе ООН (ныне это организация Лига Наций). Охрана стратегически важных объектов была полностью автоматизирована. Хакеры взламывали охранные системы, и вооружённые мародёры, нападавшие на склады продовольствия, наносили значительный ущерб экономике регионов.

Вероломных разбойников, позволивших себе в тяжёлое для всех время расхищать продовольствие и убивать, мы непременно судили бы после того, как астероид перестал бы оказывать влияние на нашу планету.

Тем временем на поверхности бушевал холод: усилившаяся вулканическая активность создавала густую завесу из пыли и газов, не пропуская на землю достаточное количество солнечного света. Система послала устранять беспорядки легионеров.

Вместо того чтобы обезоружить преступников, андроиды уничтожили и мародёров, и обезумевших паникёров. С помощью химических атак они зачистили все города и поселения на всех континентах, «наведя тотальный порядок и восстановив законность». Такова была их задача, выданная Единым Центром Управления Легиона (ЕЦУЛ). Это обнаружили сотрудники службы контроля, когда попытались взять управление на себя. Нужна была полная перезагрузка Леги-

она. Но сделать это было крайне сложно, система защиты главного узла ЕЦУЛ не позволяла отключить подачу энергии, Нейронет развил такую мощностъ, что создавал альтернативные источники энергии для решения своих задач в условиях глобального катаклизма. И всё ради спасения человечества. Пока были предприняты попытки взять систему под контроль, погибли ещё многие тысячи мирных граждан.

В тотальном хаосе, среди серьёзных климатических потрясений было крайне сложно понять до конца, как исправить технологические ошибки. Все, кто имели кибернетические усовершенствования и генетические модификации, дававшие силу и расширявшие возможности поиска информации, объединялись в вооружённые отряды при отделениях Интерпола и корпоративных охранных структурах. Эти объединённые силы выходили противостоять Легиону. Но, даже отрезав системные узлы Легиона от ЕЦУЛ, копии ошибок исходного кода продолжали вирусно плодиться, и роботы действовали автономно.

Все легионеры входили в инфраструктуру убежищ, и только по необходимости система запускала их в действие. В остальное время они являлись частью укрепительных сооружений. Либо, имея антропоморфные черты, были не заметны среди уборщиков, полицейских, техников, медперсонала. Как только система давала задание на восстановление порядка, андроиды распыляли «сыворотку спокойствия», чтобы люди не паниковали во время эвакуации из мест повы-

шенной опасности или крушений. Роботы пытались оказывать помощь, но люди всё равно погибали.

Лишь спустя пять лет от начала катаклизмов сотрудники Интерпола выяснили, что злоумышленники заменили «сыворотку» на отравляющий газ в спецхранилищах Легиона. Но кто и когда это сделал, в тех условиях выяснить не удалось.

Уничтожая легионеров ракетными ударами, сами того не подозревая, мы плодили их модификации. Распадаясь на отдельные части, мельчайшие элементы, они могли формировать новые тела из разрозненных частей триботов. Имея вирусную задачу, андроиды зачищали территории с молниеносной скоростью. Остановить вышедший из-под контроля Легион смог только сам Апофис. Как это ни парадоксально.

Приближение космического странника вызвало мощное извержение нескольких вулканов, землетрясения, гигантские цунами и разломы земной коры. Гравитационное влияние самой Земли на астероид способствовало сейсмическим процессам на нём. От небесного тела оторвались значительные куски вещества и были захвачены гравитацией нашей планеты. Это вещество выпало метеорным потоком на землю, вместе со значительным количеством околоземного космического мусора. По невероятному стечению обстоятельств, один из метеоритов упал вблизи Йеллоустонской кальдеры. Центр Управления Легиона был уничтожен сильнейшим вулканом в истории человечества. С лица земли бы-

ло стёрто несколько стран. И настала долгая ночь и зима.

Первые годы были особенно тяжелы. Нам стоило немалых усилий исправить системные ошибки и восстановить жизнеобеспечение убежищ, обнаружить всех легионеров и обезоружить их, удалив весь отравляющий газ из их арсенала, и утилизировать. При значительной поддержке Божественных и Бессмертных, давших нам новый календарь, в 2130 году появилась Первая Федерация в попытке управлять не только обществом городов-убежищ и крупных промышленных регионов, но и значительными Свободными Землями с малыми городами и фермерскими поселениями, основанными на самоуправлении. Технологии корпорации Парадигма, правопреемницей которой стала Brick's Corp, помогли нам не только спасти значительные участки плодородных земель, огромный банк генетической информации флоры и фауны, но и очистить в дальнейшем территории разрушенных городов прежнего мира. Учёные нашли способ разгонять пылевые облака, очищать почвы от смертоносных примесей. Спустя десять лет, в 2140 году начали образовываться первые Альянсы, поделившие политико-экономическое управление с ведущими на тот момент корпорациями Евразии и Южной Америки. Были построены новые гиперполисы и восстановлены хозяйственная деятельность и торговля между континентами. И до сих пор, спустя тридцать лет, мы всё ещё испытываем влияние Последней Катастрофы.

Свыше пяти миллиардов людей, киборгов и Божествен-

ных погибли в результате этого беспрецедентного в истории нашей цивилизации катаклизма и кибервойны – последней войны, надеюсь! Экосистема планеты в значительной степени сменила состав и свойства. Многие виды живых существ мутировали, многие погибли. Мы потеряли большую часть своих культурных, научных и технических ценностей. Специальным постановлением Генеральной Ассамблеи Лиги Наций навеки вечные мы запретили Легион и создание андроидов с автоматизированным центром управления. Агентство «Роботариум», спроектировавшее Легион, нашло применение утилизированным роботам-трансформерам: им создали новые корпуса и перепрограммировали. Модификации систем «Умный дом», Всевидящего Ока и Нейронета успешно прошли перезапуск и работают исправно под контролем лучших специалистов. Надеюсь, мы хорошо усвоили горькие уроки полного доверия машинному интеллекту.

Спустя тридцать лет мы отстроили новые города, очистили значительные пространства плодородной земли, насадили новые сады, родили новых детей, восстановили производство, торговлю, транспорт, создали наукограды, музеи, библиотеки, новую культуру. У нас есть будущее. И оно представляется мне светлым. Да будет так, сограждане планеты!

Образы, знаки, язык, невысказанная идея, забытая книга... Всё давным-давно кануло в бездну, и минуло время по-

исков и приключений, а невыразимая тоска по всему тому, что было утрачено безвозвратно, всё ещё щемит в груди, ноет и зовёт, зовёт куда-то. Куда? Зачем? Где найти приют беспокойным мыслям и безотчётной тоске? К какому порогу прибьёт шумящим стремительным потоком судьбы одинокую странницу-душу?

Все, сколько бы нас ни было, все мы одиноки – бесконечно и невыносимо. Но из памяти всё никак не выветрится этот образ. Как будто улыбка ангела. Тихий строгий сосредоточенный взгляд. Аккуратные руки с тонкими проворными пальцами. Одно касание – и всё, абсолютно всё обретает своё место. Сокровенная гармония, особое ощущение пространства... Безвозвратно... Куда? Зачем? Неумолимый маятник судьбы качнулся, и чья-то властная рука возложила незримый крест на плечи...

Взгляни сюда, Ангел. Взгляни на всё то, что было твоим. Вернись! Вернись...

Мы жили так, будто не было ни прошлого, ни будущего. И настоящее казалось ненастоящим, очередной игрой воображения, иллюзией, миражом. Мы заточили себя в камень, металл, стекло и пластик, а наше сознание доверили «разумным кристаллам». Механизмы, цифровые устройства, нейронные сети прорастали в пустотах наших душ так, как растут кристаллы горного хрусталя в щелях и трещинах земных пород. Живое, бьющееся сердце сжималось, истончалось под натиском удушающей «каменной болезни» – равнодушия,

отчуждения. Многотысячные потоки машин. Ритм, спешка, бег по кругу. Совершеннейшая дикость. Собачий неолит...

Немного нашлось бы тогда мест на планете, где можно было позволить себе расслабленность и праздность. Но не ту праздность, что сродни привычке прожигателей жизни, а скорее невысказанную тихую восторженность восприятия, радость бытия. И нет никакого сомнения в том, что именно в таком месте, залитом до краёв солнцем, могла начаться одна из самых удивительных историй.

Началась она, на первый взгляд, буднично, тихо, почти беззвучно. Но едва уловимое ныне эхо этой истории раскатилось далеко-далеко и до сих пор не даёт покоя тому, кого она коснулась так, будто саданула острым ножом по живому, и теперь саднит, нудит, коробится, тревожит воспоминаниями.

1.

— Мам, что это такое? — удивлялась десятилетняя Аля, вертя в тонких полупрозрачных розовых пальчиках небольшую металлическую трубочку, внутри которой что-то, как камешки, перекачивалось и шуршало.

С одной стороны в трубочке было стеклянное круглое окошечко. Луч света, пробиваясь сквозь белые газовые занавески на окне, падал на это отверстие, и оно блестело, пере-

ливалось и манило подсмотреть, что за невероятная жизнь кипела там – внутри.

В доме сладко пахло сдобой. Раскрасневшаяся от домашних забот мама вошла в комнату, за ней тянулся густой шлейф ароматов печёного хлеба, булок на меду и вишнёвого компота. Так бывало не часто, – сдобу мама пекла только в субботу раз в три – четыре месяца. В остальные дни довольствовались лепёшками. Невысокая, стройная и розовощёкая, с неизменной узорчатой косынкой поверх волос мама воплощала для дочки сказочную фею Весну с её щедротами и красотой. Она тщательно вытерла влажные руки о фартук и пригляделась к тому, что нашла «любопытная Варвара», подносящая находку к удивлённо распахнутым глазкам.

– Это же калейдоскоп, – ответила мама с улыбкой и протянула руку, чтобы взять вещицу. – Самый обыкновенный, но... Настоящий раритет... Давненько таких игрушек не видала. Наверное, Зои с Никиткой забыли. Надо с ними связаться, предупредить. Смотри, в этой круглой колбочке вставлены несколько боковых зеркалец, вдоль. Обычно их три. Они закреплены под наклоном. На другом конце колбочки тоже зеркальце с внутренней стороны, чтобы боковые зеркала отражались в нём.

– А что там так шуршит? – недоумевала дочка.

– Если направить трубочку в сторону света и поворачивать из стороны в сторону, то можно увидеть, как узоры расцветают внутри, – продолжала объяснять мама, поправ-

ляя выпавшую из-под косынки пышную прядь русых волос. – Это перекатываются маленькие разноцветные стекляшки. Двигаются они, как им вздумается. Пересыпаются с одного зеркальца на другое, а их положение мы видим, отражённым сразу с трёх сторон, да ещё плюсуем отражения в отражениях на том зеркале в конце пути. И вот перед нами пёстрый ковёр. Красота!

– Ой, я хочу поскорее всё это увидеть! – принимая из маминых рук калейдоскоп, Аля стала внимательно вглядываться в цветастые узоры. Пухленькие коралловые губки приоткрылись от удивления и удовольствия. – Как это... странно... Я хочу поймать эти звёздочки и цветы, а они опять рассыпаются, как только я поворачиваю... этот... эммм...

– ...Калейдоскоп, – помогла мама. – Да, эти звёзды и цветы долго никому не удавалось поймать. Одно движение – и стекляшки сложились в новый узор! Так было до тех пор, пока кому-то не пришла в голову идея его сфотографировать. Эта маленькая старинная игрушка, дочка, очень хорошо показывает, как многообразна Божья благодать в мире. Ладно, ты тут играй, только осторожно, бармалейкам нашим калейдоскоп не давай, не-то сломают. Что тёте Зои скажу? Да и Никитка расстроится, что мы такую игрушку не уберегли. Вечером я им в храме отдам после службы. А сейчас мне пора суп варить.

– Я не сломаю. Честно-честно! – воскликнула Аля, прижимая заветную диковинку к груди.

Она уселась на пол возле дивана, убрала тугие длинные светло-русые косички за спину, чтобы не мешали, расправила подол на платянице её любимого нежно-голубого цвета и продолжила разглядывать невиданные картинки калейдоскопа, поднимая голову выше, ловя радостные лучики солнца из полуприкрытого занавесками окна.

Накануне был дождь, и умытое небо временами накрывала тень клубящихся, похожих на взбухшую манную кашу облаков. Ветер весело взбивал облака в густую пену и, отрывая от неё большие молочно-золотистые хлопья, размазывал их по лазоревой небесной тарелке. Точно так же временами делала сама Аля за завтраком, когда не было особого аппетита, а сделать вид, что ты всё-таки что-то поела, было совершенно необходимо. Иначе не отпустят гулять.

Теперь же мама не пускала её на улицу играть вместе со всеми, боясь, что её растяжение ещё даст о себе знать. Беспокойство это было напрасной предусмотрительностью. Ножка давным-давно зажила, но маленькая искательница приключений послушно оставалась там, где ей было велено, и с удовольствием находила себе интересные занятия под руками. Так и была обнаружена старинная игрушка, не похожая ни на что.

Игрушки, Аля хорошо это усвоила, ценились в каждом доме. Их берегли и передавали друг другу как нечто заветное, рассказывая истории о том, как удалось несмотря ни на что сохранить куклу, или плюшевого мишку, или робо-

та, или строительный кран на колёсиках. Ценнее всего были конструкторы и настольные игры. Рейнджеры часто возвращались с богатой добычей игрушек из полуразрушенных старых городов в разных уголках мира.

Первые производства новых игрушек промышленным способом были восстановлены на Свободных Землях лишь пару месяцев назад, хотя уже много лет прошло после того «страшного», что бабушка с ужасом называла то Апокалипсисом, то Апофисом, и о чём не могла толком рассказать. Всякий раз вспоминая, она впадала в непостижимую панику, а затем в ступор и часами не выходила из своей комнаты, перебирая в морщинистых руках чётки и глядя куда-то в пустоту перед собой.

Дети догадывались, что «это» было чем-то шокирующе трагическим, потому что все взрослые при одном только упоминании Последней Катастрофы становились мрачными, на их лица, словно ложилась тень горестных воспоминаний.

Всё немного прояснилось совсем недавно, когда вместе с днём рождения Али вся семья отмечала тридцатилетие Спасения, а вместе с ними и весь мир с замиранием сердца оглядывался назад – в свои невосполнимые утраты, боль, скорбь и ужас. Голосом президента Евразийского Альянса Мило Гнедичева со всех устройств в эфир летели слова памяти и надежды: «Мы выстояли, мы выжили, значит, жизнь продолжается!..»

Подарив внучке маленькие шахматы, – всё-таки двадцать первое июня был и её день – день рождения, – со вздохом бабушка рассказала, что их вырезал дедушка в годы Первой Федерации. Тогда игрушки, книги и детские вещи за пределами городов-убежищ, на Свободных Землях, фактически были одними из самых первых товаров, которые люди выменивали друг у друга за еду, лекарства или ценные сведения о новой для всех среде обитания. Умельцы, такие как её дед, делали детские «поиграйки» сами. Уже много позже, после восстановления Глобального Нейронета, с появлением Спектрума, главное место в воспитании и образовании заняли развивающие и обучающие игры на мониторах стареньких планшетов и первых новых тексонов (технических средств общения нового поколения).

В борьбе за единственный пока в их доме тексон Аля отдавала первенство сестрёнкам и братьям, предаваясь волнующим грёзам за чтением книг из домашней библиотеки, которую отец время от времени пополнял с восторгом коллекционера-любителя.

Совершенно позабыв обо всём на свете, увлечённая игрой с калейдоскопом девочка опомнилась, только когда в конце коридора с треском распахнулась входная дверь, и в дом с криками кубарем вломились её старший брат-погодок и две младших сестрёнки. Пока они, топоча и громко шлёпая босыми ногами по полу, наскакивая друг на друга и что-то из мебели снося на своём пути, бегали по комнатам, Аля лов-

ко спрятала калейдоскоп в диван, приподняв сидение. Там, внутри, она увидела ещё кое-что интересное, за чем вернулась, когда ватага бармалейчиков была снова выдворена строгой хозяйкой дома во двор.

Среди старых запylённых от времени вещей, которые по ненадобности лежали в диване, перевязанные бечёвкой, Аля, переполняемая любопытством, обнаружила одну занимательную книжечку. Это было объёмное сочинение. Папа такие издания называл «фолиантами». Вообще-то, она видела только два таких экземпляра, отец их выменял у кого-то, тщательно изучил и с грустью передал на хранение в Соборный архив – дома не было условий для их содержания и реставрации рассыпающихся в труху страниц.

Любые книги были совершеннейшей редкостью, типографий и издательств было до крайности мало, ещё меньше было бумаги, новые книги делали из эластичного прочного пластика. Они ничем не пахли, страницы перелистывались автоматически лёгким касанием пальца, картинки были редкими, но зато объёмными, почти живыми. Такие книжки были дешёвыми, но большинство предпочитали электронные тексты на мониторе «читалки» – ещё дешевле и проще в обращении. Потому-то ветхие старые печатные издания, которые так нравились Але своими шуршащими страничками и всевозможными запахами, и, тем более, рукописные давным-давно вышли из употребления и пылились в архивах старинных библиотек (многие из них всё ещё не были рас-

консервированы), как и в редких домах. Утилизировать книги было строжайше запрещено.

Любознательная девочка догадывалась, что эти самые фолианты отличаются от печатных не только тем, что они рукописные и не пахнут «типографской краской», от них, вдобавок ко всему, исходит запах сена, взбитых яичных желтков, воска и чего-то ещё, чему в её голове пока не было названия.

Книга из дивана была хоть и ветхой, но основательно изготовленной. Чёрная кожаная обложка, металлические кантики на уголках. А какие чудные яркие картинки красовались чуть не на каждом листе! И карты! На шероховатых потемневших, но довольно гибких страницах причудливым письмом были записаны повествования о великих путешествиях и древние легенды. Среди прочего было несколько поистине фантастических историй. Одна из них привлекла Алино внимание, и она сразу же запоем её прочла.

Речь шла о том, как во времена фараона Эхнатона, задумавшего подарить своему народу новую веру, в Египте появились странные «гости». Его звали Тот, а её – Та. Эхнатон вознамерился, было, оставить законную жену и жениться на незнакомке. Она родила сына, которого фараон хотел видеть новым правителем в будущем. Тот и Та были очень мудры и научили египтян многим полезным вещам. Передвигались они на «летающей колеснице», и египтяне считали их богами. Через какое-то время они засобирались покинуть Египет, к этому моменту Эхнатон уже отправился в Царство

Мёртвых, а на трон должен был взойти юный Тутанхамон. Но его убили...

Драматичная история захватила детское воображение. Маленькая Аля тщательно протёрла книгу тряпочкой, хотя на ней совсем не было пыли, и решила, что будет и дальше читать. Мама не удивилась находке дочери, она была убеждена, что это красочная рукописная сказка. Наверное, поэтому-то такой экземпляр не заинтересовал отца, для которого важней всего была духовная литература, и потому фолиант остался лежать со всяким старьём.

А по поводу прочитанного смышлёная читательница решила вот что. Ей живо представилось, что много-премного лет назад на Земле побывали люди из других миров, либо из будущего, либо с другой планеты, которая находится так далеко, что учёные пока не обнаружили её. И в ней зародилось упрямое чувство, будто она уже знает, что история человечества может оказаться не совсем такой, как представляют её родители и учителя.

Хотя некоторые повествования ей, десятилетней, были вовсе непонятны, тот шуршащий необычайно толстыми страницами фолиант Аля прочла от корки до корки и никому из братьев и сестёр не показывала. Эти удивительные истории не были бы им интересны.

Самый старший – тринадцатилетний Андрей читал только исторические и церковные тексты, подражая отцу. Псалтирь знал чуть не наизусть и уже начитывал в храме нарас-

пев, слегка гнусава. Ещё он помогал с большим рвением вести церковную страничку в Спектруме. Одиннадцатилетний Ник читать не любил вовсе, он с удовольствием слушал разве что аудио-стихи, которые легко заучивал и мог при случае рассказать с выражением. Младшим – девятилетней Оле и семилетней Нике интересны были только сказки о волшебных феях и принцессах, желательно, с голографией, а в старой книге таких сказок не было. Поэтому Аля бережно и тщательно припрятывала свою находку, чтобы никто её случайно не испортил. А ещё она не хотела, чтобы отец унёс её куда-нибудь на хранение, как и предыдущие.

Через какое-то время хозяйственная, но слегка рассеянная из-за большого числа обязанностей матушка машинально убрала дряхлую книгу вместе с остальными отслужившими свой век вещами в большой жёлтый чемодан, не менее ветхий и потрёпанный, и унесла в чулан. Но на этом история старого фолианта не закончилась, и через много лет он неожиданным образом возвестил о себе из мрака и забвения.

2.

Терра, окрестности Фангории

Старина Линн по обыкновению сидел за пультом в мягком кресле с высокой спинкой и читал здоровенную кни-

женцию. «Что бы сказали мои почтенные суеверные соседи, узнай они, что я читаю роман о чернокнижниках и злодеях времён Чёрного Царства? Хе-хе! Да они бы немедленно потащили на меня доносы в Бюро Хранителей и Следствий, не иначе... С удовольствием почитал бы их пасквили...». Довольная ухмылочка от этой презабавной мысли придавала его простецкому лицу почти театральный шарм. На мониторе, который раскинулся во всю стену, изображение голубой лагуны, изрядно покалеченной прошедшей недавно бурей, разбилось на несколько секторов – это происходило через определённые промежутки времени, если Линн не следил за чем-то конкретным. Сектора передавали видео с камер наблюдения в окрестностях такого же неприметного, как он сам, жилища на холме и маяка, где он служил смотрителем уже невероятное количество лет.

Случайно подняв голову – круглую, как большой игровой мяч, – на одной из камер Линн увидел что-то необычное. Это была камера, направленная в сторону песчаного пляжа позади маяка. На песке в неестественной позе кто-то лежал среди выброшенных на берег корабельных обломков и морской тины. Увеличив изображение, Линн напрягся: «Ну, конечно! Святые маргаритки! Это она...». В то же мгновение казавшийся грузным и неповоротливым, пока он сидел в кресле, зритель подскочил, отбросил чтиво, прихватил планшет, чтобы продолжать видеть запись с камеры, и легко, как молодой спортсмен, побежал, чуть касаясь пола увесистыми

башмаками на мягкой подошве, через кабинет к лестнице, ведущей вверх – вон из его тайного убежища.

...Когда она очнулась, первое, что увидела, были мельчайшие песчинки песка. Песчинки были везде: на ресницах, на переносице, в её белокурых длинных волосах и на руках. Девушка – чересчур хрупкая, исхудалая, бледная, совсем ещё ребёнок – лежала лицом вниз и могла различить каждую крупинку в отдельности, каждый кристаллик, изредка поблёскивающий своими малюсенькими гранями. Она несколько раз провела по песку рукой. Он был горячим, мягким, сухим и рассыпчатым. Пахло морем, водорослями, тиной. Лежащая на песке перевернулась на спину, распрямила затёкшие руки и ноги. Тело ныло от неестественной позы, в которой какое-то время находилось. Небо закрывала лёгкая пелена сероватых облаков, солнце временами пробивалось сквозь эту пелену и яркими всполохами озаряло песчаную косу, на которой неизвестная пришла в себя.

Она села, кое-как стряхнула песок и засохшие водоросли с лица и одежды, которая состояла из потрёпанных джинсов и изодранной серой майки, и огляделась по сторонам. Перед ней раскинулась морская гладь до неведомого горизонта, полностью сливаясь с небесной синевой. Вдоль песчаного берега там и тут были разбросаны щепки, куски металла, верёвки, тряпки, обломки чего-то крупного, но вспомнить, что это такое, не получалось. Над водой носились белогру-

дые птицы, которые ловко подхватывали из воды рыбу и поедали её на берегу. Они изредка покрикивали, в остальном было довольно тихо.

Море было спокойным. Берег песчаной косы слева упирался в каменистый выступ. На нём белела башня маяка. Справа коса уходила вдаль и упиралась в такой же каменистый выступ. За спиной девушки тянулся песчаный пляж, а дальше зеленели густые заросли невысоких деревьев и кустарника. Казалось, там, между стволами виднелась тропинка. Что в этой тёмно-зелёной чащёбе, кто же знает? Туда даже свет солнца едва проникал.

Вокруг было пустынно. Безветренно. Деревья не колыхались, не шепталась листва. Спокойная зеленовато-голубая гладь воды тоже оставалось в безмолвии. Неизвестная поняла, что совсем одна на этой косе. Силы оставили её, и она снова погрузилась в забытие, ей показалось, что она падает в пропасть.

Сколько долгих минут или часов она так провалялась на пляже, понять было сложно. В какой-то момент девушка почувствовала, что её бережно подняли чьи-то большие крепкие руки и понесли прочь. Запах моря и горячего сухого песка сменился запахом влажного леса, а потом ещё через какое-то время она ощутила многоголосье запахов чужого жилища, среди которых явственно выделялся аромат жареного мяса с пряными травами, и затем приятную прохладу чистой простыни. Потом она спала.

Ей снилось, будто она мчится на белом сияющем авто по узкой горной дороге. В машине она не одна. За рулём – кто-то светловолосый и широкоплечий. Она на заднем сидении, в центре. Помнит, как укладывала объёмную яркую сумку в багажник и садилась в машину, и потому точно знает, что машина – белый, сверкающий лакированными боками Фрөйд (что за странное название, откуда оно взялось, да и кто, вообще, придумал давать имена автомобилям?). Настроение у всех приподнятое, её спутники смеются. В машине давит ба-сами какая-то навязчивая музычка. Слева – рыжеволосая девушка, она всё время визжит и что-то выкрикивает, высываясь в окно. С другой стороны – такой же рыжеволосый веснушчатый угрюмый парень в очках, у него в одной руке зелёная жестяная баночка какого-то напитка, а другой он придерживает чёрный рюкзак. На переднем сидении рядом с водителем коротко стриженный темноволосый парень в белой майке. Они несутся на бешеной скорости, лихо обгоняя редкие попутные авто, которые мелькают цветными расплывчатыми облачками за окнами машины. Она сидит и смотрит то прямо перед собой, то на интерфон, который теребит в руках. Ветер шумит в ушах, заглушая музыку. Рыжеволосый вдруг уверенно заявляет:

– Он не позвонит.

Она, помолчав, спрашивает:

– Почему?

А тот ей резко:

– Он тебя бросил.

– Тебе-то откуда знать?

– Знаю. Его отец забрал с собой в Европу. Моя сестра работает в его офисе. Забыла? Рита так и сказала, что шеф отвалил на родину.

– А почему он забрал сына, а жену нет, как ты говоришь?

– Да потому что матери и тут сладко живётся. Ты их особняк видала? Во! А этот бессмертный боров без сына никуда надолго не поедет. Да и не сын он ему вовсе – приёмьш. Бизнес это всё! Ясно?

– Ясно, – буркает она со вздохом, и...

В ту же секунду машина резко тормозит, слышится скрежет жести об асфальт. Раздаётся оглушительный удар. Её голова резко дёргается назад, затем вперёд, машину ведёт вправо, всех куда-то заносит. Она, упираясь ногами в передние кресла, а руками хватаясь за всё подряд, падает головой на рюкзак соседа, на неё падает соседка слева, над ухом раздаётся мерзопакостный треск лопающейся банки, голова оказывается залитой остатками сладкого шипучего напитка... Ей кажется, что она превращается в звёздную пыль и летит в бесконечном пространстве космоса навстречу системе двойных звёзд. Одна из них поглощает вещество другой, как гигантский пылесос. Сила неземного притяжения захватывает мельчайшие песчинки её самой и втягивает в колоссальный диск, вращающийся с ошеломительной скоростью. Её поглощает гигантская белая звезда-людоед, и на этом со-

бытия сна обрываются...

3.

Тиамат, Королевство Грандланд

С самого утра в поместье Золотая Орхидея всё вверх дном. Прислуга сбилась с ног, наводя порядки. Ещё накануне фамильный особняк Лоуренсов был тщательнейшим образом отмыт, начищен и сиял натёртыми до блеска витражами и мрамором огромных холлов и галерей, а прилегающий парк с тремя прудами и фруктовым садом не менее старательно доведён до лоска. Двадцать пять специально нанятых садовников неделю стригли-брили-мыли, как есть, наводили полный и безоговорочный марафет со сноровкой и выучкой цирюльников-брадобреев с Парк-Авеню, знающих своё дело, и, наконец, привели заброшенный некогда ландшафтный ансамбль в надлежащий вид.

Центральная парковая ротонда и семь беседок сияли белизной, как маячки, среди изумрудной зелени, величественных топиари и привезённых господами много лет назад из разных уголков мира многоцветных пионов, роз, лилий, пасифлор, люпинов, мальв, цинний и прочих великолепных и благоуханных цветов. В эту пору года – в самом начале лета – все они разом, как по команде, принялись с особой страст-

ностью и жадной жизни цвести, источая волшебную симфонию ароматов, которая будто облачком накрыла поместье, превратив его в невероятно притягательное райское место.

Поместье это на окраине городишка Лоуренсвилля, основанного ещё Виго Лоуренсом Бесстрашным почти полтысячи лет назад, давно служило излюбленным местом обитания и процветания родовитого семейства вдали от столичной суеты. Лоуренсы основательно осели в здешних краях, и флаг их развевается над ратушей, и фамильный их герб с пирамидальной горой, ветвистым деревом наверху и свитком с древними письменами украшает ворота и венчает центральный вход городского храма. В городишке до сих пор ещё, словно витает дух Виго Бесстрашного, и матери пугают непослушных детей присказками «быть тебе варваром бесмертным» или «не то Виго заберёт». И по ночам, особенно в непогоду, слышны страшные беснующиеся звуки, будто призраки варваров с севера несутся на конях, сопревших от яростной погони и охоты, гулко цокают, гудят, орут и свистят среди каменных улиц.

С беспримерным почтением жители городка и окрестностей относятся к хозяевам поместья, именуемого не иначе, как «жемчужиной королевства». Поговаривают, что Лоуренсы не короновано царствуют не только на много миль вокруг, но и при дворе Её Величества играют первую скрипку, без которой вся политическая музыка отнюдь не состоялась бы, и без труда могли пошатнуться и величие, и власть Короны

столь прочные ныне.

С тех пор, как могущественный воитель обосновался среди заливных лугов, непаханных полей и непроходимых лесов, в этих краях правили не одни только воины. В роду Лоуренсов издревле водились личности особенных дарований, почитавшие науки и искусства во всём их многообразии и полноте. Они собрали самую грандиозную в королевстве библиотеку. В её хранилищах по сей день можно найти все самые загадочные манускрипты древности, образчики первобытного письма на глиняных и каменных табличках, папирусы, свитки с церковными преданиями и гримуары, научные труды великих Асы и Герклидота, Деметрия и Астральта, а также многочисленные печатные издания со времён изобретения печатного станка. Галереи фамильного особняка хранят полотна знаменитейших художников Да Ладжио и Пинчетти, а холлы и фасад украшены творениями великих скульпторов Старого и Нового Времени. И потому поместье всегда являло собой пример изящества и высокого искусства в архитектуре и внутреннем убранстве, в самой сути своего царственного пребывания на этой земле.

«Всё по высшему разряду!» – чеканила миловидная со-рокалетняя экономка миссис Эбботт, а её муж, солидный управляющий мистер Эбботт, высокий и довольно упитанный, подхватывал фразу и сурово, но доходчиво растолковывал нанятому дополнительно персоналу, как всё должно

быть в этом доме: «...Где вам, недотёпы и разгильдяи, довелось послужить! Так будьте любезны...».

По коридорам и галереям то и дело сновали охранники и оголтелая толпа телевизионщиков. Это из-за них, приспешников медиа-индустрий, привычный уклад жизни поместья напоминал первобытный хаос. В банкетном зале команда операторов и техников устанавливала аппаратуру. По стенам то и дело бегали солнечные зайчики от многочисленных зеркал, ноги снующей туда-сюда прислуги путались в шнурах, проложенных в зале и прилегающих галереях.

Здесь, в обстановке ослепительной роскоши, должны были состояться съёмки ожидаемого миллионами телезрителей интервью с хозяевами поместья – лордом и леди Лоуренс. На основе этой беседы знаменитый режиссёр Ланс Вачовски собирался создать свой новый фильм «Зеркальный лабиринт». В кулуарах киностудий, начавших гонку за право выпустить грядущий блокбастер, поговаривали, что Вачовски принялся строчить сценарий на ходу, прямо в баре, где чуть не грохнулся со стула, когда из телевизора в мир хлынула волна сенсации: «Чета Лоуренсов вернулась с того света!». Это уже потом на первые полосы всех мировых изданий посыпались, как горох из надорванного пакета, кричащие заголовки, один безумнее другого: «Медитация длиною в жизнь!», «Тысяча жизней леди Лоуренс!», «Двадцать лет, не приходя в сознание», «Империя Лоуренс во власти машины: знаменитый сэр Джейсон Гордон Лоуренс – андроид!»

и прочее, прочее, прочее...

Лора, а для всех прочих миссис Лоуренс, ещё не покидала свои покои на втором этаже. Парикмахер и визажист только что ушли, сделав ей, как и подобает леди, лёгкий дневной макияж и, уложив золотистые длинные волосы в не слишком замысловатую причёску, спустив к лицу несколько сияющих шелковистых прядей (хотя оба, уходя, думали об одном и том же: «Зачем этому лицу крема и помады, оно и так сияет молодостью, здоровьем и красотой?»). Новая молоденькая горничная помогла хозяйке облачиться в изящное платье цвета утренней зари и надеть жемчужное кольцо и серьги.

Лора прохаживалась между спальней и гардеробом босиком по напольным гобеленам работы мастеров позапрошлого века и даже не думала обуваться. Ей вовсе не хотелось выходить сегодня в холл и, тем более, показываться перед камерами.

«Ах, Гордон, Гордон, как он мог согласиться на это интервью? Что можно и чего нельзя рассказывать этому пронице Вачовски, который, не успев ступить на порог, за пару минут обшарил все углы. Не удивлюсь, если и в подвал заглянул мимоходом и уже испробовал всё новое и старое фамильное вино».

Наконец, она снова под села к трюмо и позвонила в колокольчик. На зов тут же пришла миссис Эбботт и почтительно поклонилась.

– Да, госпожа, что пожелаете?

– Элис... – начала нерешительно Лора. – Как там приготовление?

– Всё готово, Ваша светлость. Прикажете подавать завтрак для Вас и сэра Лоуренса?

– Да, пожалуй, стоит подкрепиться, – наконец, улыбнулась госпожа, мечтательно проводя рукой по волосам. – А что сэр Лоуренс, уже готов? Не могла бы ты пригласить его ко мне.

– Сию минуту. Господин, конечно, давно на ногах и одет к завтраку, – поправляя тяжёлые портьеры на окнах, отвечала рассудительная экономка.

Затем она протянула хозяйке какой-то плоский гладкий предмет:

– Вот, господин просил передать Вам это. Полагаю, мне следует объяснить, как этим пользоваться, – начала она почтительно.

– Что это?

– Новый телефон. Технология мобильной связи была разработана в компании сэра Лоуренса ещё до того, как Вы... эээ... ну, Вы понимаете. Так вот, технология прошла тестирования, быстро обрела популярность и пошла напрямик в народ, – улыбнулась миссис Эбботт и как бы виновато пожала плечами. – Вот, смотрите, проводите пальцем по монитору...

– Хорошо, – мягко прервала объяснения Лора. – Спасибо, Элис, ты очень любезна. Но мне кажется...

Она ласково улыбнулась и протянула руки, чтобы взять телефон. Повертела его, погладила глянцевую поверхность монитора, который мгновенно вспыхнул, озарил её лицо голубоватым свечением, и она увидела на небольшом экране их с Гордоном свадебное фото. Златовласка оперлась одной рукой о подбородок, поправила прядь волос, упавшую на лицо, задумалась. Серо-голубые глаза её тихо светились.

«Двадцать лет... Мир изменился, все вокруг изменились. Кого-то уже и нет с нами. Элис вот округлилась, стала похожа на прежнюю миссис Эбботт, надутую и ворчливую, а ведь была совсем девчонкой, как я, тогда...».

– Что-нибудь ещё, госпожа? – сделав шаг к двери, перебила её мысли Элис.

– Нет, нет. Спасибо. Пусть придёт Гордон. Мне нужно сказать ему пару слов перед завтраком, – мечтательно ответила Лора и отложила на столик возле трюмо диковинку, которая была ей хорошо знакома, ведь ещё совсем недавно ей приходилось пользоваться и более сложными устройствами.

Через несколько минут она предстала перед лордом Лоуренсом во всей красе. Уже надела изящные лакированные туфельки на высоких тонких каблучках и приветствовала мужа с сияющей улыбкой, распахнув объятия:

– Гордон, дорогой, как ты хорош в этом необычном костюме!

Цвета слоновой кости новый костюм со слегка приталенным пиджаком и невероятно узкий по новой моде галстук,

красовавшийся на белоснежной крахмальной рубашке, придавали мужу нотку новизны и очарования. Этот высокий, плечистый, осанистый брюнет выглядел так же молодо и свежо, как в день их первого знакомства, на одном из великосветских раутов во дворце Её Величества. У него были жгучие глаза с золотым ободком на радужке. Таких глаз Лора никогда и ни у кого не видела.

Супруги нежно обнялись и не могли налюбоваться друг другом. Наконец, Гордон прервал таинственную тишину, в которой было слышно не только, как поют дрозды за окнами, и колышутся розовые кусты, но и то, как бьются их горячие, не знающие меры в обожании друг друга, сердца.

– Дорогая, что ты хотела мне сказать?

Лора опомнилась:

– Ах, да, конечно... сказать, – начала она. – Давай договоримся, дорогой... Мы не будем во всех подробностях описывать всё то, что с нами произошло... В особенности, что я... Точнее, мы оба, конечно, догадывались о том, что наше «путешествие в страну грёз» продлится дольше обычного. Понимаешь, о чём я?

Она посмотрела на мужа с надеждой.

– Я понимаю, Лора... И никому не скажу... что ты... – он подхватил её на руки и начал кружить по комнате, смеясь и поддразнивая. – Что ты, проказница, волшебница, чаровница... свела меня с ума!

– Прекрати, Гордон! – вырывалась Лора и тоже звонко

смеялась.

Через несколько минут почти детского восторга они, наконец, отдышались от эмоций, обо всём условились, оправились и спустились к завтраку, приказав миссис Эбботт накормить так же всех присутствующих в доме телевизионщиков в специально отведённой для них столовой. Благо помещений в поместье было сто девяносто шесть, поэтому там можно было разместить несколько десятков таких же съёмочных групп.

Ровно через час миссис Эбботт включила у себя в комнате телевизор и позвала мужа смотреть интервью, которое шло в прямом эфире. Эбботты не хотели мешать, да и сами они чрезвычайно волновались, потому удалились к себе и обратились в слух и зрение.

На экране возникла привычная пёстрая заставка утренней программы выходного дня. Заставка сменилась препротивнейшей физиономией гладко зализанного ведущего в щегольском лиловом костюме и зачем-то с полудохлой розочкой в петлице, физиономия портила всё настроение, а писклявый голосок уже во всю тараторил свою обычную тарабарщину:

– Это двадцатичетырёхчасовой канал Королевского Телевидения и я, ведущий утренней программы «Взбодрись с Биллом», Билл Киллтаун. Мне выпала честь представить вашему вниманию самое ожидаемое этим воскресным утром

событие! Невероятное возвращение лорда и леди Лоуренс с необитаемого острова Сент-Симон, где они провели двадцать лет в уникальном трансе. Двадцать лет чета спала мертвецким сном! Вот, наверное, люди выпались-то по-настоящему! Прямо завидую по-чёрному. И уже предвкушаю интереснейшую историю. У нас прямое включение из поместья Золотая Орхидея. Всемирно известный кинорежиссёр Ланс Вачовски сейчас в прямом эфире нашего канала возмёт интервью у мистера и миссис Лоуренс. Ланс, Вы в эфире!

– Спасибо, Билл! Привет всем! Эммм... Начнём, пожалуй... – отозвался режиссёр слегка скрипучим голосом за кадром. Очевидно, он тоже волновался не меньше всех.

На экране появилось изображение банкетного зала поместья. Такое привычное и хорошо знакомое место вдруг обрело новые очарования и шарм под действием всех этих ламп и специального фильтра камеры, дающего ощущение мягкой голубоватой дымки. Столовое серебро, фарфор, хрусталь, шёлк скатерти, атлас обивки мебели, красное дерево, мрамор отделки, витражные окна и старинная мозаика во всю стену с фамильным гербом и символами семьи с многовековой историей завораживали и манили оставаться во власти этой роскоши и неги до бесконечности.

Режиссёр – вихрастый и молодящийся, хотя было ему уже за сорок, и в складках мешковатой светло-синей рубашки над узким поясом помятых светлых брюк отчётливо выделялся выпятившийся большой живот. Он сидел напротив хо-

зыйки и выглядел несколько нелепо в этой обстановке. Блистающая чистотой кожи и золотом волос леди Лоуренс – справа от сэра Лоуренса, который, как и подобает хозяину, восседал в огромном кресле во главе стола. Перед собеседниками стояли бокалы и графины с водой и свежавыжатым соком, причудливо нарезанные фрукты, канапе и тарталетки с икрой и сырным соусом. Два вытянувшихся в струнку лакея в алых парадных мундирах стояли поодаль у входа, готовые по первому мановению хозяев выполнить любое их желание. «Слава Богу, всё и все на месте», – подумала миссис Эбботт.

Конечно, леди хотела, чтобы интервью проходило не в этом огромном зале с гулким эхо, а в каминной комнате с чашками ароматного ассийского чая на столе, в камерной обстановке. Но телевизионщикам была нужна мозаика за спинами говорящих, как помпезный фон для заставки, игра разноцветных бликов солнца сквозь решётки витражей и этот гулкий звук для придания атмосферы старинного замка с привидениями. Картинка была яркая, сочная, дорогая. Многомиллионная аудитория канала прилипла к экранам, затаив дыхание.

– Друзья мои, вы не против, если я буду без церемоний, – обратился Вачовски к своим собеседникам, а затем пояснил в камеру, что они с Гордоном давно и близко знакомы.

Хозяин слегка кивнул.

– Отлично! Тогда начнём с того, что поговорим о вас с

прекрасной леди Лоуренс. Как так получилось, что вам захотелось провести время в трансе?

Хозяйка с господином быстро переглянулись, её ресницы слегка дрогнули, и лорд спокойно ответил:

– Ты же знаешь, Ланс, что мы оба всегда отличались стремлением к новизне, к чему-то неведомому и захватывающему. Наверное, поэтому, – он расслабился и ослепительно широко улыбнулся.

Его крупное гладко выбритое лицо озарилось и стало ещё приятнее и светлей. Глаза златокудрой красавицы стали насыщено голубого оттенка и засияли восхищением, чего не упустил ведущий оператор и взял крупный план.

– Что вы знали об этих опытах до встречи друг с другом? Почему именно транс, летаргия, сон? Что в этом такого? – расходился Вачовски, взяв тарталетку и бесцеремонно отправив в рот хрустящую корзиночку с красной икрой (звукооператору, должно быть, пришлось мгновенно поколдовать над идущим в эфир сигналом, чтобы зрители не слышали, как прославленный постановщик жуёт).

– Сон – это всегда что-то особенное. Тем более, если это похоже на путешествие в неведомый новый мир, – откликнулась леди Лоуренс, опустив глаза и затем умоляюще переведя взгляд на мужа.

Ей было неприятно смотреть, как их непричёсанный визави уплетает угощение, рассыпая мелкие крошечки по белоснежной фамильной скатерти. Никто из Лоуренсов нико-

гда не был ханжой, но в поместье все прекрасно помнили, как этот самый университетский приятель господина на их свадьбе умудрился перепачкаться так, что пришлось в спешке искать этому бедолаге новый костюм. Похоже, за эти годы ничто не изменилось в его привычках и манерах. Да какие там манеры... Желая намекнуть ему о том, что руки можно вытирать и не о края скатерти, хозяйка поместья лёгким небрежным, едва уловимым движением взяла со стола салфетку и привычно положила её себе на колени, посмотрев прямо в глаза этому невеже и выскочке. Но тот, словно и не желал замечать тонкости этикета.

– На самом деле, всё просто, – начал сэр Лоуренс, поправив галстук и положив руку на подлокотник кресла.

Он сел поудобнее и, глядя на жену, продолжал:

– Мы оба интересовались возможностями осознанных сновидений ещё в юности, но попробовать на практике смогли только, когда встретились и поженились. Однажды у нас получилось весь сон, правда, довольно непродолжительный, гулять, держась за руки в диковинном саду с гигантскими растениями и разговаривать так, будто мы и не спим вовсе, а просто прогуливаемся у себя в парке. Но это точно был сон. У нас был маркер, который показывал нам, что мы спим.

– Интересно, интересно, – подхватил киношник. – Продолжай. Какой маркер? Что-то вроде волчка, как в фильме «Начало»?

– Извини, дружище, я не видел такого фильма...

– Точно, это было уже после того, как вы... – спохватился Вачовски. – Ладно, продолжай.

– Во-первых, мы настроили будильник, чтобы проснуться от звонка. А чтобы понять, что мы спим, Лора, – он запнулся, – извините, леди Лоуренс взяла в руку брошь.

Госпожа протянула левую руку над столом – на маленькой розоватой ладони красовалась букашка с золотистым брюшком и лапками, покрытая сверху красной эмалью, у неё была чёрная головка и крапинки на спинке.

Божья коровка. Крупный план. Многомиллионная аудитория у экранов зашлась умилительными стонами восхищения и восторга: «Какая прелесть...».

– Когда мы гуляли там, во сне, мы отметили, что брошь была прикреплена к платью супруги, но уже через мгновение её не стало. И, вообще, всё вокруг нас менялось довольно быстро, как будто мир был гуттаперчевым и крайне нестабильным. После резкого звонка мы проснулись. Брошка, по-прежнему, была зажата в руке леди Лоуренс. И мы оба помнили наш диалог слово в слово и все детали сна – будто мы просто переместились куда-то вместе и увидели, и услышали, и пережили равно одинаковые события.

– И после этих опытов вы решили попробовать нечто большее, верно? – лукаво поглядывая в камеру, подгонял Вачовски.

– Да.

– А как вы входили в это состояние? С помощью медита-

ции?

– Совершенно верно. Особую медитативную практику, я обнаружил, занимаясь переводом древнего языка ниллитов на пергаментных свитках, которые мой отец привёз из Великого Похода.

– Почему ты не обнародовал своё открытие, если тебе удалось расшифровать эти свитки? Это же похоже на утаивание ценной информации от человечества, тебе не кажется?

– Я передал переводы в Королевский музей истории и археологии сразу же, как мне удалось найти основные ключи к пониманию. Но, к сожалению, я разобрал не более одной трети текста, остальными исследованиями заняты специалисты. Очевидно, работа настолько трудоёмкая, что до сих пор нет новых сведений.

– Тогда каким же образом вам удалось открыть для себя это новое состояние? – не понимал режиссёр.

Сэр Лоуренс с гордостью взглянул на жену и пояснил:

– Вот тут мне и помогла необычайная интуиция леди Лоуренс. Она смогла довести ритуал до полного совершенства, что и дало нам шанс испытать нечто невероятное.

– Отлично, – режиссёр потёр руки и продолжил тему по намеченному плану. – Так, теперь мы попросим прокомментировать семейного доктора состояние мистера и миссис Лоуренс. Всем телезрителям, наверняка, интересно, не повлиял ли этот необычайно долгий сон на ваше общее здоровье, простите господу, но и на психику тоже.

К лоснящемуся и сияющему ведущему в студии присоединился семейный врач четы Лоуренс, доктор Адамс.

– Что скажете, доктор, – пропищал ведущий, по обыкновению кривляясь. – Как себя чувствуют Ваши пациенты? Насколько мы можем судить по хроникам двадцатилетней давности, они совершенно не изменились внешне. И это ли не восхитительно! – шоу-попугай захлопал в ладоши, как дитя.

Строгий морщинистый человечек в маленьких круглых очках и старомодном коричневом костюме потёр суховатые руки с сильно выделяющимися тёмными венами и хрипловатым голосом отметил, что господа чувствуют себя вполне здоровыми, и на их физическое и психическое состояние сей феномен не повлиял отрицательно. Если не сказать вернее, – он омолодит их и укрепил иммунитет. Все показатели даже более чем в норме. При таком здоровье чета Лоуренс могла бы спокойно отправиться на randevu в космос.

Эфир моментально заполнил крупный план того, как господа за столом многозначительно переглянулись.

Доктор Адамс с самого первого дня транс следил за состоянием своих доверителей. Он, пара островитян и семейство Эбботт, служившее в поместье Золотая Орхидея с незапамятных времён, – вот список тех немногих посвящённых, кто знали о том, что чета Лоуренс не «путешествует по миру», а спит чуть ли не летаргическим сном на необитаемом острове в океане.

Киношник не на шутку подготовился к интервью. Для

фильма потребуется научно обоснованный материал, пояснял он перед эфиром, поэтому в качестве консультантов он пригласил учёных, которые проявили живейший интерес к «феномену Лоуренс» и могли дать страстно охочему до всяких сенсаций режиссёру какие-то зацепки по научно-фантастической канве будущего блокбастера. Поэтому-то на прямом включении со студией были специалисты по нейрологии и физиологии мозга доктор Барнем и профессор Эдельман из Королевского университета мозга и сознания, а также популяризатор науки доктор физико-математических наук профессор Минковский.

Доктор Барнем, тучный, улыбчивый, со смешинками в уголках глаз сидел у себя в рабочем кабинете, откинувшись на спинку стула и сложив руки на большом выпуклом животе, обтянутом местами потёртым вязаным свитером. Рядом с ним за столом расположился тощий и бледный профессор Эдельман, всё время сильно раздувавший ноздри. Он постоянно поправлял сползающие с носа громоздкие очки, одёргивал рукава рубашки и откашливался, чем сильно раздражал звукорежиссёра в импровизированной операторской, которой служило помещение за большим банкетным залом в поместье.

Профессор Минковский сидел спокойно, скрестив руки на плотной груди в окружении книг в университетской библиотеке. Его круглое лицо с выцветшей рыжеватой бородкой, окаймлявшей выпуклые щёки и подбородок, выражало

уверенность и интерес. На нём была белая рубашка и элегантный тёмно-синий вельветовый костюм. Когда он надел очки, чтобы взглянуть в записи лежащего перед ним листа бумаги, очевидно, со сценарием беседы, он стал невероятно похож на знаменитого композитора и музыканта сэра Джона, магистра Голубой Подвязки. Его манеры и жесты были так похожи, что создали весьма колоритную картинку на экране, и всё это не могло не привлечь дополнительное внимание публики.

Вачовски следил за всеми поступающими в эфир кадрами на специальном планшете. Он остался доволен картинкой и пошёл в атаку.

– Леди Лоуренс, а это правда, что вы с Гордоном прожили тысячу жизней во время транса?

Златовласка в этот момент рассматривала свою любимую крохотную брошь и от неожиданно обращённого лично к ней вопроса слегка вздрогнула. Но тут же собралась с мыслями и спокойно ответила:

– Не совсем так, Ланс. Видите ли, мы ощутили себя, словно живущими в каких-то иных мирах и, таким образом, будто прожили некоторое время другими людьми. Но это была не тысяча жизней, как пишут везде, а всего лишь семь. И я не целиком всю жизнь другого человека проживала, а лишь на некоторые эпизоды моё сознание переносилось в другую личность, если можно так выразиться. И мой супруг так же, – она взглянула на мужа, и тот одобрительно кивнул. – Это

очень сложно объяснить. Всё-таки это только сон, полагаю. Хотя... истории этих людей весьма поучительны...

– О, это же то, что нужно! – возбудился киношник, предвкушая сенсацию. – Сейчас как раз это «перенесение сознания» нам попробуют объяснить господа учёные из Королевского университета мозга и сознания. Профессор Эдельман и доктор Барнем у нас на прямом включении. Профессор...

Эдельман в который раз натужно откашлялся и сипло, монотонно растягивая слова, отвечал:

– Что такое сознание? *Mano, muta, meltia*? Одна из фундаментальных проблем философии и психологии. Сегодня это наиболее перспективная ветвь исследований нашего университета, – профессор снова поправил очки и откашлялся. – С позволения господина и госпожи Лоуренс несколько лабораторий Центра исследований высшей нервной деятельности нашего университета, в частности Лаборатории исследований взаимодействия психики с материей мозга, а также мозговой активности и анализа структурных компонентов центральной нервной системы провели тщательное изучение чётки Лоуренс. Мы пришли к потрясающим заключениям, которые отчасти поставили нас в тупик...

Эдельман умоляюще зыркнул на коллегу, тот, поняв, что профессору нужно глотнуть водички, и включился в беседу, со страстностью увлечённого своей работой учёного и добродушием, очевидно, свойственным его характеру:

– На самом деле, не всё так страшно, – широко расплы-

ваясь, поползли в стороны уголки тонких губ на маленькой круглой физиономии доктора Барнема. – Анализ исследований нашего Центра Мозга, как мы его называем, показал, что в случае с мистером и миссис Лоуренс мы имеем дело с возможно новейшим проявлением эволюции мозга человека.

Вачовски ликовал – это точно сенсация – «эволюция мозга»! Он не удержался от реплики:

– А в чём проявилась эта самая эволюция? Не хотите ли Вы сказать, что мои друзья стали суперлюдьми или что-то в этом роде? На вид они такие же, как и были двадцать лет назад, что, безусловно, удивительно. Но ведь такое явление известно и подробно описано в исследованиях летаргического сна.

Барнем тоже радовался возможности пожать некоторые лавры вместо простуженного в конец профессора. Без сомнения, они заранее договорились, что Эдельман, едва сдерживающий «кашлевый лай», будет только намечать контуры научного дискурса, а всю остальную работу выполнит он, Барнем, всё-таки это его монография на эту тему через пару недель выйдет в университетском издательстве, разумеется под редакцией профессора А. Эдельмана. Об этом уже говорили в новостях.

– Видите ли, Ланс, мы имеем дело не совсем с летаргией, точнее совсем не с ней. Наши исследуемые... простите господ... – Барнем слегка склонил голову перед камерой, обращаясь к чете Лоуренс. – Наши исследуемые провели эти

долгие годы не просто в обыкновенном сне, в который люди входят помимо своей воли, по велению их мозга, ибо во сне совершается огромная работа по обработке, поступившей во время бодрствования информации, перевод событий из кратковременной памяти в долгосрочную и т.д. Наши испытуемые сознательно вошли в состояние транс-сна, полностью контролируя когнитивные события, происходящие внутри него. Это уже совершенно другой сон, отличный от медленно-волнового и парадоксального. Осмелюсь предположить, что это ещё одно, пока неизвестное науке, состояние сознания.

– Это сенсация! – вырвалось у мало что понимающего ведущего в студии.

Всё это время Киллтаун сидел с полуоткрытым ртом от изумления, потому шеф-редактор программы больше не показывал публике это малоэстетичное зрелище. Но, кажется, звукооператор забылся – всё происходящее в поместье так захватывало воображение, что все будто провалились в историю, которая разыгрывалась на экране. Микрофон у ведущего студии никто не приглушил, и вот, пожалуйста, – эфир прорезал писклявый срывающийся возглас.

Вачовски восторгнулся и многозначительно посмотрел на Лоуренса: киношник явно не был в курсе подобных новостей и хотел показать, что слегка обижен на друга, ведь тот не посвятил его в такие уникальные подробности. На самом деле, его мало интересовали научные теории, гораздо важнее бы-

ло задать самый неудобный, но самый будоражащий воображение вопрос:

– Так что же всё-таки вы там пережили во время этого удивительного состояния?

4.

«Он знает то, что неизвестно...

Он видит всю Вселенную насквозь...»

Южная Америка, Убежище Кукулькана, 1 июля 2168г.

«...В транспортных катастрофах характерны травмы шейного отдела позвоночника – хлыстовые повреждения. Чаще всего они вызваны резким сгибанием шеи и таким же резким откидыванием головы назад при неожиданном торможении на большой скорости. Тяжесть такого рода травм часто не соответствует степени повреждений транспортного средства. Хлыстовые поражения чаще всего встречаются у женщин вследствие более слабой шейной мускулатуры. Место расположения в транспортном средстве значения не имеет...»

– Если бы только это... – процедил бледный молодой человек с копной разметавшихся золотисто-медовых волос.

Не мигая, он уставился на кружащие в воздухе светящиеся цветные облачка, – под воздействием поля от интерфона

на его правой руке, они сгущались в изображения, как будто на невидимом мониторе. Голограммы в световом луче от интро демонстрировали анатомические, медицинские и технические сведения, большинство информации поступало прямо в мозг.

– Атлант... – бормотал он. – Небо на плечах...

Парень судорожно сжимал кулак левой руки и тихонько постукивал им по дивану, погружаясь в медицинский справочник. Белки его глаз покраснели от напряжения последних часов колоссального душевного волнения, взгляд ещё недавно ясно-голубых глаз мутился, подёрнулся пеленой сероватого тумана.

Строение позвоночника. Атлант. Первый шейный позвонок, не похожий на все остальные. В названии явно заключена метафора, этот позвонок очень важен, он держит голову, как мифический герой – небесный свод.

«Лопающийся перелом атланта происходит, когда ломаются и расходятся его дужки в результате сильного удара или падения на голову. При сильном смещении возможно повреждение продолговатого мозга с гибелью пострадавшего на месте происшествия...»

– Уммм... – сдавленный взглас вырвался из разгорячённой, ходившей ходуном груди, парень тяжело дышал, едва сдерживая подступивший к горлу болезненный комок.

Его глаза застилал влажный туман. Обхватив голову руками, он сидел на диване в огромной гостиной в своём ме-

гапривате в Убежище Кукулькана на Гвианском нагорье, а мыслями тянулся за океан, в другую часть света. В голове, будто тянул тревожную ноту древний набатный колокол. За этим гудящим звуком стояла немота и глухота пространства. Ни один звук не мог прорваться сквозь эту завесу. Так оглушает внезапное горе. Рядом на журнальном столе были аккуратно разложены обычные для делового человека бумаги, без которых несмотря на все технологии, не обходится никакое делопроизводство, тем более, юридическое и банковское. Парень резко развернулся и неловко, в несвойственном его статусу и характеру порыве сбросил всё на пол:

– Пропади оно пропадом...

Рывком он вскочил с дивана, ринулся к окну, простиравшемуся во всю стену, задел ногой массивный стул с подлокотниками, который подлетел вверх, как мяч, парень поймал его за выгнутую ножку и поставил на пол, выпрямился, отдёргнул золотистого цвета портьеру, дёрнул ручку, распахнул окно и вдохнул струю влетевшего искусственного ветра. В апартаментах круглые сутки работало кондиционирование, но парню, как будто не хватало кислорода, он тяжело дышал, по телу бежала мелкая дрожь. Стойкое ощущение дежавю мелькнуло в сознании, и потом его заволочло воспоминанием, – всего каких-то два месяца назад, а ныне, будто в прошлой жизни, произошло нечто подобное, только с другим человеком...

Летний день отдавал свои последние распоряжения, по

небу тянулся розоватый шлейф всполохов заката.

Молодой человек стоял у окна в мегапривате одного из лучших городов-убежищ мира, среди великолепия, изящно воплощённого в дизайне. Ещё бы, до него здесь жили божественные особы, медиа-знаменитости и президенты Альянсов. Кто-то из служащих говорил об этом, подчёркивая высочайший уровень обслуживания в апартаментах S-класса, но он, как водится, не обратил на эти услужливые заверения никакого внимания. Этот рослый, хорошо сложенный молодой человек не нуждался в такой информации, ведь он бывал и в более роскошных местах, превосходящих и отделкой, и убранством самые фешенебельные дома мира. Бывал он и там, где после Великой Катастрофы уже и вовсе не ступала нога человека, и мог неделями жить в палатке на горном склоне, ни в чём себе не отказывая.

Белая измятая рубашка взволнованного молодого путешественника была полурасстёгнута, правый рукав подобран до локтя, ворот топорщился и мешал движениям головы. Золотоволосый медленно поправил воротник, расстегнул рукав и на левой руке и начал его закатывать, но постояв мгновение бездвижно, оставил всё, как есть, напроочь забыв, что он хотел сделать. Светло-серые брюки с серебристым отливом идеально сидели по фигуре, такого же цвета кожаные ремень и туфли Бертолини ненавязчиво подчёркивали, что их обладатель далеко не простой прожига-горожанин.

С высоты мегапривата на девятом этаже тёмно-зелёные

очертания огромного парка расплывались, расходились бурыми пятнами, растворяясь в городском клочущем бульоне. По привычным маршрутным линиям спешили авто. Внизу копошились боты-уборщики, сновали боты-техники и множество других механизмов. Синие тени главного городского купола слегка смягчали атмосферу. Привычная для глаз перспектива лежащего внизу пейзажа города-убежища с его пирамидальными и многоступенчатыми жилыми и административными комплексами и освежающий искусственный ветер на считанные мгновения расслабляли натянутые до предела нервы. Душевная боль сдавливала горло, раздирала грудную клетку, стискивала черепную коробку. Казалось, мозг лопнет от напряжения.

«Почему они... почему она... объяснить... надежды нет... какой-то идиот не справился с управлением... какой-то... – будь он трижды... боги, что я несу... но как...»

Мысли носились бешеным вихрем. За что? Почему? Что делать? По кругу. До полного изнеможения. Он истязал себя, понимая, что готов скупить всё медицинское оборудование мира, оплатить лечение в Центре Жизни самого дядюшки Асклепия – да хоть у чёрта на рогах! Лишь бы помогло, лишь бы они поставили её на ноги, живую и здоровую, с невероятным розовым румянцем на шелковистых щеках, с сияющими кристаллами умных серых глаз, с обезоруживающей улыбкой и задорным смехом. Всё потускнело, поблекло, весь мир опустел с осознанием того факта, что она лежит сейчас в

интенсивной терапии бездвигно, без признаков сознания... Изломанная, израненная, изуродованная...

Вечерело. Дневные краски города всё больше разводила тёмной тушью закатная тень. Зажигались огни. Вконец измотанный страдалец растянул нижние пуговицы на рубашке и сбросил её на подлокотник стула. С тех пор как ему стало всё известно, прошло не многим более двух часов, а казалось, что в этом промежутке времени пролегла целая вечность, бездонная пустота и немота. В миллион сто первый раз он прокручивал момент, когда узнал о трагедии.

В этот злополучный день, первый день июля, приёмный сын президента Bricks Corp, как нашаливший мальчишка, впервые улизнул от охраны, чтобы пообедать в одиночестве и просто побродить по коридорам и закоулкам одного из центральных зданий города – «Золотой пристани неба». Он надеялся смешаться с немногочисленной толпой высокопоставленных постояльцев, одет он прилично, но вполне заурядно для своего круга, значит, его никто не приметит и не потревожит. В отличие от божественного лика опекуна-отца, мелькавшего на каждом мониторе в новостном потоке, физиономия опекаемого не светилась нигде. Высокий уровень дезагенации и стопроцентная ПЦ (полная цена личности), дарованные опекуном, давали преимущество – свободу действий.

Но последние месяцы проходили под неусыпным надзором безмерно верного Мерного, в прошлом майора Интер-

пола, а ныне начальника охраны, лично сопровождавшего главу крупнейшей корпорации. Брик-младший за это время морально измотался и, несмотря на присущие ему спокойствие и рассудительность, граничащую порой с чрезмерной рассудочностью, стремился избавиться от тотального контроля добросовестных охранителей. Его не покидало ощущение, что это не он контролирует ситуацию, а некто «за углом». Только оставаясь в своих личных апартаментах, молодой человек мог расслабиться. Но ему надоедало сидеть взаперти. Стены давили на мозг.

Его убежище располагалось где-то между теми тремя верхними этажами, которые были забронированы для них с отцом на несколько дней. Цель их визита в крупнейший южно-американский город-убежище, конечно же, была деловой. Брика-старшего все знали, как одного из самых успешных Божественных последнего десятилетия.

Когда величественный магнат с опекуном и вооружённой охраной заселялся в апартаменты «Божественных и Бесмертных», служащие обгоняли друг друга, лишь бы оказаться чем-нибудь полезными, а потом в коридорах и барах бойко обсуждали новость дня. Брик заплатил космическую сумму персоналу за то лишь, чтобы до конца их визита никто из служащих не покидал свой пост. Батлеры и горничные, бармены и мойщики, охрана и техники – все до единого шушукались, недоумевали, злились, но терпели. Получить на счёт после пары-тройки трудодней «пятую часть от полной

цены» – такое не привиделось им и в самых радужных грёзах Святого Джона!

По тому, что средства связи перестали ловить сигналы, было ясно, Великий и Ужасный настроен решительно. В экстренной ситуации связаться со службами спасения можно было бы только по рации. Скорая электронная помощь, встроенная в систему жизнеобеспечения этого уровня, была наивысшего качества. Беспокоится было не о чем. У служащих не оставалось ничего, кроме как перемывать Брику и его семейке косточки, тем не менее, все сошлись во мнении, что он, похоже, самый крутой после своего отца бизнесмен последнего столетия.

Не удивительно, ведь именно Bricks Corp, а в дни Первой Федерации, когда всем заправлял Альберт Максимилиан Брик, прославленный отец этого самого Великого и Ужасного, Генрика Максимилиана Брика, это ещё просто фамильное предприятие «Брик и сыновья» восстановило банковскую систему, ввело новые стандарты учёта и делопроизводства, а также систему идентификации и оценки личности. В дальнейшем они взяли под свой контроль передовые отрасли экономики – энергетику, драгметаллы, связь. Не брезговал магнат и пищепромом, и строительством, и даже водоснабжением. Хотя на фоне происходящих мировых событий и он оказался всего лишь пешкой в умелой руке «хозяина мира», – не далее, как пару дней назад Брик-старший передал контроль над возглавляемым им суперги-

гантом новому деловому партнёру. Мировые медиа взорвала новость, ошеломляющая своей банальностью и зияющей пустотой неопределённости: «Последняя свободная корпорация сдала бразды правления Goldbridge Enterprise». Всем было интересно, чем это Голдбридж схватил Брика за жабры, чем это уложил на лопатки, какую такую грязную историю нарыл в его «безупречно дезагенированной репутации». Как бы то ни было, Брик удерживал лидирующую позицию в мире большого бизнеса, и куда бы он ни прибыл, – все до единого пресмыкались перед ним, как послушные псы перед главным егерем.

Тем временем, избавленный от Всевидящего Ока систем видеонаблюдения, умеющий каким-то чудом исчезать с мониторов, как неуловимый пиксель, Брик-младший направлялся в ресторацию «Золотой пристани неба». Именно в этот момент подал внутренний сигнал интерфон, некоторую видимую часть которого он носил в виде широкого чёрного с золотыми инкрустациями браслета на правой руке (больше как знак статуса). На защищённой линии связи, которую он разработал и подключил к ней отца и Мерного для личных переговоров и получения нужных сведений, все внешние сигналы блокировались, кроме единственно важных, – в груди шевельнулось нечто неприятное. Пришло сообщение – и он точно знал, о чём оно, точнее, о ком, – сам настроил приём любой информации о той, кого называл не иначе, как Ангел. Дав тексону мысленную команду, Брик-млад-

ший рефлекторно сжал в кулаке мягкий монитор в кармане брюк. Всё поплыло перед глазами, пока он мысленно прокручивал полученное сообщение: «...на месте аварии скончались четверо молодых людей... одна пассажирка госпитализирована... достали из горного ущелья... дочь священника... травмы несовместимые с жизнью... состояние критическое... надежды на то, что она выживет...»

Парень судорожно комкал тексон так, что от монитора остался жалкий безжизненный комочек пластитекса и кристаллов. Брезгливо отшвырнув в сторону остатки монитора, он медленно багровел. Губы его вытянулись в одну тонкую линию, стиснутые зубы неприятно скрежетнули, голубые глаза потемнели и налились кровью от подступившей горько-солёной влаги. В груди что-то резко кольнуло, сердце затрепыхалось, как раненная птица в клетке, рывками, а в ушах появился шум, как будто где-то внутри включилось ненастроенное старое радио. Молодой человек впервые почувствовал, что начинает терять контроль над собой. Ему жутко захотелось кого-нибудь растерзать. Среди карусельного мельтешения обрывков мыслей сознание цеплялось за какую-то далёкую и совершенно безумную идею о том, что нет такой черты, за которую нельзя переходить в аффекте. Только внезапный выплеск эмоций мог снять эту кипящую пену яростного отчаяния. «Жертва» нашлась моментально. Зрение туманилось, а в глотке беззвучно клокотало: «Неееат!...».

Служащий, встречающий гостей в гулком отделанном мрамором холле, привычно улыбаясь, заметил, что один респектабельного вида молодой человек – явно божественный отпрыск, вдруг остановился на выходе из лифта для особо важных персон, уставился в пол и застыл бездвижно, как статуя, – возможно, ему стало нехорошо. Прекрасно обученные сотрудники никогда не пропустят такие моменты, чтобы оказаться рядом и проявить максимум заботы. Потому-то Джеффри мгновенно отреагировал, подойдя к молодому гостю и подчёркнуто вежливо спросив, не нуждается ли тот в помощи. В то же мгновение парень с всклокоченной копной золотистых волос и округлившимися от ужаса небесно-голубыми глазами схватил батлера за грудки и начал трясти, багровея и нервно хрипя от злости. На эту сцену не замедлили отреагировать немногочисленные респектабельные господа, находившиеся в холле: в полном недоумении они повернули свои измождённые тщеславием головы и, начиная испытывать нетерпение, посмотрели на происходящую возню – кто с явным раздражением, а кто равнодушно-отстранённо, как и подобает лучшим представителям общества развитого эгоцентризма.

Джеффри попытался высвободиться, но хватка разъярённого отчаянием парня была сильна. Замешкавшемуся батлеру пришлось скрепиться и терпеть, на его счастье недолго, потому что в это время к ним подбежали ещё четверо служащих, ловко скрутили нападавшего и повели в кабинет

менеджера отеля. Кто-то успел вызвать местную скорую помощь, и два белоснежных робота аккуратно вкатили незадачливому хулигану дозу успокоительного. Тут же засуетилось личное сопровождение семьи Брик («Где они раньше-то были?» – недоумевали служащие и охрана).

Всё ещё дёргаясь, но, уже едва ворочая языком, нападавший проклинал весь мир и себя самого, и никто не мог понять, что же вдруг случилось с одним из самых почётных и желанных в Куклькане гостей – двадцати трёхлетним опекуном главы Bricks Corp. Все знали, что Брик-старший относился к молодому человеку как к родному сыну, потому что почтение ему оказывалось наравне с обожествляемым отцом. Все старались более не прикасаться к нему и стоять на почтительном расстоянии.

Вызвали начальника смены службы охраны, просмотрели видеозаписи, расспросили Джеффри и других очевидцев и кое-как разобрались, что гостя вывело из себя какое-то сообщение. Станным было то, что ни на одной видеозаписи не было видно передвижений Брика-младшего в здании. Решили, что такова воля Брика-старшего, и тут же забыли об этом.

Внезапно оказавшийся в центре внимания Джеффри, не будучи ротозеем, обратил внимание ребят из охраны на необычный – чёрный, с глянцевым отливом и золотыми напылениями – интерфон на руке гостя. Такие модели устройств связи были доступны не многим даже в высшем

обществе, а уж обслуге, тем паче, казались фантастической штуковиной. Пока бесхитростный батлер разглядывал принадлежащие молодому господину другие более миниатюрные и необычные предметы, предусмотрительно вынутые из его карманов, новоявленный невидимка уже тихо-мирно лежал на кожаном диване у менеджера в кабинете.

Наконец, всех служащих отправили на рабочие места, пришёл доктор, побеседовал с разбушевавшимся господином, просканировал его минисканером, ввёл инъекцию безмятежности и дал рекомендации сопровождению. Прочим гостям, обеспокоенным внезапным нарушением привычного уклада ничем не омрачаемой жизни и безупречного обслуживания, менеджер «Золотой пристани» лично принёс «глубочайшие извинения за доставленные неудобства» вкуче с дополнительной порцией амброзии и раздачей на все внутренние панели апартаментов последней версии «Грёз Блаженного Джона». Грёзы раздали всем, чтобы не только бессмертные могли успокоиться и впасть в своё обычное состояние безмятежного парения в необъятных просторах воображения, но и все прочие постояльцы, гости и жильцы уровня «Золотой пристани неба» могли приобщиться к всеобщей нирване.

Брик-старший, узнав, что сын попал в неловкую ситуацию, всеми возможными и более всего невозможными способами старался замять инцидент, чтобы ни один звук о нём, ни одно фото или видеокادر, ни единая буквочка-цифрочка

не просочились в сообщения вездесущих медиа.

После беседы с доктором изрядно помятого парня пре- проводили в его мегаприват и оставили предаваться свое- му горю в одиночестве. Довольно быстро придя в себя от успокоительного, он тут же замкнулся, потребовав, чтобы его никто не беспокоил. Мерный дежурил на этаже. Дважды к незадачливому хулигану ломился сам Брик-старший. Как назло, все ключи-коды от своих апартаментов хитроумный отпрыск магнатского семейства перепрограммировал сразу же по прибытию. Как ему удалось это проверить, никто не знал. Ломать двери не стали, чтобы не привлекать излиш- него внимания посторонних. Отец пытался дозвониться, но младший Брик не отвечал. Он стал полностью непроницаем для систем наблюдения и связи, блокируя все поступающие извне сигналы.

Пришедший в себя затворник звонил матери, которая, ко- нечно же, была уже в курсе произошедшей трагедии и ожи- дала реакции сына, который два месяца как «без вести про- пал», скрываясь от наёмников (за его голову «некто» назна- чил оскорбительно высокую цену, но ни матери, ни кому бы то ни было ещё знать это было не положено). Без лишних объяснений, игнорируя её настойчивые расспросы, парень попросил мать оказать семье пострадавшей девушки всевоз- можную поддержку. Затем он связался с офисом отца в Чер-

номорском филиале, потому как тамошний секретарь Анжела была способна достать что и кого угодно хоть из преисподней. Молодой хозяин потребовал, чтобы она распорядилась организовать максимально надёжный уход за особенной пациенткой крупнейшего медицинского центра Солнцевска и, если возможно, доставку к ней лучших специалистов. Не дожидаясь пока его распоряжения начнут осуществляться, и, желая в первую очередь узнать точный диагноз, взломщик-невидимка через сеть вошёл в систему клиники, куда доставили выжившую в автокатастрофе девушку, и узнал, всё, что нужно, а также внёс дополнения в список её обслуживания на месте и направил туда отряд охраны.

Через пятнадцать минут мучительного хождения кругами по гостиной, получив и отправив нужные данные, он стал лихорадочно носиться по всем медицинским справочникам, хранившимся в Спектруме, считывая-прослушивая сведения о травмах головы и позвоночника. Как выяснилось из карточки поступления в стационар, у пострадавшей помимо множественных переломов и ран повреждены шейные позвонки и главная проблема – лопающийся перелом атланта со смещением, что вызвало травмы головного и спинного мозга, но почему-то не убило её. Девушка, сидевшая рядом в машине, от похожих повреждений погибла на месте. А чего ожидать, когда, столкнувшись с большегрузной фурой на петляющем серпантине дороги, их лёгкий «Бенджи-Фройд», предназначенный для поездок между города-

ми, потеряв управление, был выкинут в ущелье? Конечно же, кто-то из парней беспечно вёл авто сам! Все ребята получили тяжелейшие ранения. Ангела выбросило в ущелье через лобовое стекло и швырнуло с высоты на значительное расстояние от места падения автомобиля. Сияясь представить себе эту картину, парень, ранее не знавший страха, ни перед чем не останавливающийся, покрывался потом, его начинало мутить.

Одна мысль, что Ангел выпала из машины в горное ущелье и сломала себе шею, бросала в жар, а затем наступал ступор, – он подолгу сидел и тупо смотрел перед собой в одну точку на полу. Линии замысловатого рисунка на мраморной плитке расплывались, превращаясь в один водоворот, воронку, спирально уходящую куда-то вниз, вглубь, во мрак неизвестности. Так прошли эти часы – целая вечность горя и безнадёжного самобичевания, потому что он мог бы, возможно, предотвратить этот кошмар, она могла бы остаться в городе и не пострадать, будь он сам рядом...

Расчётливый и до сих пор удачливый игрок с ужасом осознавал, что обводной удар от дальнего борта в этом изнурительном фрейме оказался ещё более рискованным, а потери – несовместимыми с приложенными усилиями...

Стоя у окна, понемногу успокаиваясь и трезво глядя в будущее, он уже знал, что полетит назад и сделает всё возможное, чтобы Ангел жила. В карточке значилось, что у девушки крайне редкая группа крови, обозначенная замысловатой

химической формулой, а единственный возможный донор был выявлен восемнадцать лет назад в Убежище Муникен, и других похожих случаев до сих пор не обнаружено. Понимая, что этим человеком может быть только он сам, потому что точно такая же формула значилась в его медкарте, хранящейся в сейфе отца, так неуклюже разоблачивший себя в холле невидимка решился на отчаянный и крайне безумный шаг – он полетит назад, через океан, к ней, даже если «Золотую пристань неба» уже окружали наёмники, даже если придётся прорываться с боями и скрываться от снайперов, он полетит назад.

Если несовместимая с жизнью травма не убила её, он должен бороться. Походив по гостиной, зайдя в ванную, золотоголовый освежился холодной водой и переоделся в спортивный костюм. Только сейчас он обратил внимание, что в гостиной разбросаны бумаги, диванные подушки на полу, там же где туфли и галстук, мебель сдвинута так, будто тут только что произошла потасовка. Распиная подушки, он мысленно вызывал свой самолёт, а затем открыл апартаменты отцу, – тот неприкаянно ходил в коридоре, размахивая шейным платком. Когда открылась дверь, отец и сын встретились взглядами помутившихся от волнения голубых глаз. Оба серьёзные и решительные. Молодой Брик был сыном родного брата Брика-старшего, по непонятным причинам отказавшегося от прав отцовства. Он так же, как опекун-отец, был высок и плечист, те же неширокие ску-

лы, упрямый высокий лоб, прямой нос, густые коричневатые брови, те же золотистые волосы. Правда, шевелюра опекуна за годы значительно потускнела и поредела, несмотря на усилия эскулапов и протекторство самого Асклепия. Лицо отца по обыкновению было гладко выбрито, сын же носил аккуратные усы и вновь вошедшую в моду «мушкетёрскую» бородку.

Внимательно посмотрев друг на друга и убедившись, что всё в порядке, отец и сын уединились. Мерный привычно занял позицию у дверей, отдав распоряжения бойцам по рации, чтобы к зданию никто не мог подойти, не будучи проверен на наличие оружия. Беспечные прожиги-горожане понятия не имели, что по периметру вокруг центра городская охранная система выставила роботизированные за-слоны. Так происходит всякий раз, когда фигуры, подобные Брику-старшему посещают этот искусный райский уголок.

Брик-старший молча окинул взглядом гостиную. Несвойственный в их семье беспорядок сообщал о крайней степени напряжения и потере равновесия душевных сил недавнего затворника. Парень обессиленно рухнул на диван. Отец поднял опрокинутый стул, поставил напротив и сел. Казалось, между ними шёл беззвучный диалог, как если бы люди могли общаться биотоками: понятные только им двоим внутренние сигналы текли от одного к другому невидимо, неслышно, но отчётливо и ясно для каждого из них. Отец, конечно, уже знал о случившейся на Черноморском побережье катастро-

фе, о вызванном самолёте, о спонтанном решении сына и о грозящей им всем в связи с этим решением опасности.

Наконец, глубокий ровный голос Брика-старшего нарушил гнетущее многозначительное молчание:

– Герман, мы не в том положении сейчас, чтобы позволить эмоциям уничтожить многолетние труды. Мы балансируем на грани фола. Крайне опасно сейчас всё бросить и лететь назад. Ты нужен мне, как никогда. Ты же понимаешь...

– Нет, – отрезал сын решительно. – Я уже не тот. Несколько часов назад остался бы и играл в эти прятки-догонялки ещё, сколько угодно. Но моя жизнь потеряет смысл, если не станет её, – он посмотрел отцу прямо в глаза и добавил, – если всё это ради меня, никуда оно не денется. Поверь, я в состоянии контролировать ситуацию. Не бойся, отец, ты ничего не потеряешь. Мне нужно твоё благословение, чтобы спасти мою...

Тут Герман осёкся, потому что впервые столкнулся с необходимостью объяснения, кто она ему, эта девушка, лежащая в интенсивной терапии где-то за океаном. Но не смог продолжить фразу и обессиленно опустил всклокоченную голову.

– Чем я могу помочь? – не удивляясь решимости и настойчивости сына, проговорил Брик-старший.

– Свяжись с Асклепием. Попроси его помочь. У неё повреждён участок мозга. После таких ранений не живут, даже Божественные, даже с имплантами, а вот ей удалось. Она

в коме, подключена к системе. Я позаботился, чтобы ей была оказана самая лучшая помощь, но... Ты же знаешь, что такое клиники в наше время. Бардак, отсутствие обеспечения, никчёмные людишки с допусками к врачебной практике, рвачи, бестолковые и наглые... Есть, конечно, уникамы, и ты их знаешь. Помоги не потерять её. Обещаю, что как только покину Кукулькан, ситуация изменится в лучшую сторону для тебя. Я уже направил нужную информацию в разные точки. Все с ума сойдут от нового информ-потока, и головорезам твоих божественных «товарищей по партии» будет не до меня, поверь. Я уйду, сумею. Должен суметь.

– Слушай, сынок, не напрягайся, не переусердствуй, – мягко начал, было, отец, недоумевая, как такое возможно, хотя он десятки раз убеждался, что Герману под силу невозможные вещи.

– Извини, сейчас я хочу побыть один. Собирайтесь. Тебе снова пора в Лионгард. Потом поговорим, дома. Следи за событиями, успокой маму, пожалуйста. Действуем по прежнему плану. Я полагаюсь на тебя.

Они обнялись, и отец тихо вышел, на ходу махнув Мерному. Герман бесцельно прошёлся по комнате. Босые ноги расслаблялись на прохладном полу. Вдруг он почувствовал, что не один в гостиной. Сначала это ощущение казалось паранойей от преследований, ведь именно из-за них ему пришлось тайно, не сказав даже нежно любимой матери ни слова, сбежать из южного приморского рая сначала в Европу,

потом за океан. Прохладный вечерний воздух шевелил портьеры на окнах. Чувство присутствия усиливалось. Отчаяние медленно отступало. Где-то в глубине подсознания гнездилась странная мысль: «А что если Ангел посетила меня на прощанье? Что если она отошла?». Он подошёл к окну и глянул в чёрную бездну неба где-то над городским куполом, не обращая внимания на яркие огни и привычный тихий гул города, лежащего внизу. Обильные, как проливной дождь, слёзы выталкивали наружу боль и напряжение последних часов, ужас и чувство вины...

Одиночество, как чёрная дыра, поглощало его мир. Гравитация этого одиночества убивала время, отнимала силы, лишала всего, что могло бы дать надежду. Вот напасть! Человек издревле приговорён к одиночеству особенностями психики. Индивидуальное «я», личность, желая выделиться из человеческой общности, всегда оказывается, будто разорванной напополам. Но если тебе доводится привязаться к кому-то в глубине души, а жизнь, будто разводит между вами мосты, этот внутренний разрыв ощущается больней. Горизонт событий чёрной дыры одиночества режет острым лезвием неотвратимости твою реальность, и всё, что тебе особенно дорого, проваливается в непроглядную тьму, из которой нет возврата. А на поверхности остаёшься ты, голая сингулярность.

И что тебе делать с твоей индивидуальностью в этом одиночестве? Кому она нужна? Ты один смотришь на звёзды в

ночи, подпирая кулаком свою бороду. Нет, не нужна тебе эта свобода и независимость, эта оригинальность и неподражаемость. Пропади они пропадом! В одиночестве важно только то, что утрачено и искривлено его необоримой силой.

Слёзы ещё катились по щекам и капали с бороды на пол, когда Герман оторвал себя от окна и, вытираясь рукавом толстовки, поплёлся в спальню. Он упал на необъятную кровать и забылся кратковременным глубоким сном.

Через полчаса три верхних этажа «Золотой пристани неба», отведённых для особенных и довольно странных гостей, опустели.

5.

Лионгард, 2168г.

Начальник Девятого Специального отдела Интерпола сидел у себя в кабинете за массивным дубовым столом. Тёмно-зелёная обивка мебели в полутьме кабинета казалась почти чёрной. Сквозь шторы слабо пробивалось утро. Лионгард лениво начинал привычный разбег первыми пролётами вечно спешащих по своим линиям такси, запахами почти натурального шоколада и кофе в ресторации через дорогу, разговорами бредущих домой техников из ночной смены.

Часы на стене показывали половину девятого. Начальник

был хмур. На его крупном прямоугольном сером лице не отображалась ни одна эмоция; оно было похоже на маску человека в годах с опущенными вниз уголками губ, неимоверно уставшего от жизненных перипетий. В его некогда густой угольно-чёрной шевелюре просвечивала седина. Он долго смотрел в одну точку на столе, пребывая в напряжённых раздумьях.

Затем хозяин кабинета пошевелился, словно стряхивая что-то тяжёлое с плеч, и медленно придвинул к себе папку с бумагами, белым пятном выделявшуюся на тёмной поверхности стола. Также нехотя он включил лампу, и по комнате мягко разлился свет из-под полупрозрачного абажура. Громоздкие тёмные гардины наполовину закрывали огромные окна, за которыми всё более размокая, бледнел, начавшийся проливным дождём и не предвещавший ничего хорошего к обеду, непогожий летний день. В кабинете царил полумрак, как в сумерки, а день только начинался.

Начальник надел старомодные очки, с которыми не мог расстаться, считая эту давно отжившую деталь своим талисманом, и открыл папку. Склонившись над столом, он был похож на мистического великана, неповоротливого и угрюмого. Итак, он принялся подробно изучать новое досье.

На папке стоял номер, присвоенный отделом распределения, печати нескольких отделов крупнейшей в мире правоохранной организации и имя «Дэвид Эдвард Финч».

Дата и место рождения: предположительно... ага... почти

тридцати три, значит... Родители: не обнаружены... гм... Близкие родственники: не обнаружены. Обучение: школа-интернат Святого Бартоломео, Бат; дистанционный тьюториал Тринити-колледж, Оксфорд. Специальность: магистр международного права... угу... Это он до реорганизации успел общим порядком поучиться. Ну, да. Городишко учёных закрыли лет семь-восемь назад. Туда теперь только научных сотрудников принимают. Понятно... Но это уже не та классическая школа, дух не тот... Военно-спасательная служба (ВСС)... таак... Звание: Капитан... понятно... Спецподразделение Интерпол Европейского Альянса.

... Какой прыткий, а... Специальный отдел... разведка... Значит, под началом Кленденброка, да и Старый Мортимер, и Гарднер точно могли его знать. Спросим. Религиозные организации: не состоял. Социально-политические движения: не состоял. Психотип: интроверт. Характерные черты: самообладание, исполнительность, военная выправка, самодисциплина, логик, не делает поспешных выводов, осторожен, внимателен к деталям, терпелив, щепетилён, целеустремлён, хладнокровен, не-раз-го-вор-чив... Не иначе «Шерлок Холмс». Н-дааа...

Великан за столом ещё больше нахмурился, поправил лампу и продолжил экскурс в досье Финча, начинавшее его раздражать.

Привычки: любит читать на ночь бумажные книги, пьёт чёрный кофе или воду, изредка курит антикварные сигары,

никогда не носит гражданскую одежду класса комфорт, только классические костюмы тёмных цветов или форму ВСС, не терпит бранную речь, неприхотлив в быту, избегает личных контактов с окружающими, в гостевых номерах оставляет странные записки персоналу. Дружеские связи: не замечены. Семейное положение: холост. Мировоззрение: атеизм, глобализм. Навыки: стандарт. Языки: стандарт. Особенности: не умеет работать с напарником или в команде, одиночка.

Стоп. Кто он, чёрт возьми? Начальник ещё раз перечитал начало документа. Что значит – «предположительно»? Родители не обнаружены... Что это? Спецотдел не мог выявить детали? Откуда он взялся, этот Финч? Он же не «дитя катастрофы». Тогда каждый человек был учтён, записан в книги главного архива, все дети были пересчитаны. Всех, оставшихся без родителей, определяли в приюты. Так и что же? Слишком уж гладкая биография. Не был, не значился, не состоял. Как там его характеризовали? «Спецагент с потрясающей выправкой, исполнительный и безупречный»? Таких людей не бывает. Людей...

– Я так и знал... – пробурчал начальник вслух, начиная раздражаться сильнее.

Нажав кнопку внутренней связи, он зычно гаркнул на весь кабинет:

– Фишера ко мне. Срочно!

Секретарь, уловив негодование руководителя, всё же

осмелилась напомнить, что заседание через пятнадцать минут.

– Знаю, – рявкнул начальник и отключился.

Он ещё раз пересмотрел все бумаги в папке. В послужном списке – только награды. Участие в спецоперациях – засекречено. Суровый чёрный штамп спецотдела разведки. Что ж, это дело обычное для таких, как он. Добраться до этой информации никакому хакеру не по зубам – она не фиксируется в системе или на иных носителях. Она доступна лишь тому, кто назначал задания.

Но всё же, кто он, этот «подкидыш эльфов»? Обычно, если ребёнок потерял родителей, или его подкинули в приют или кому-то в дом, есть сведения об учреждениях, лицах, даты, где и когда это произошло. Всегда можно найти следы сведений о приёмных родителях, семьях, интернатах, благотворительных заведениях, где человек воспитывался. Простым смертным это недоступно, но им-то, спецантам, грех жаловаться – информации всегда в достатке, надо только знать, где и как её выудить, а уж они-то знают. Но в досье нет ничего. Как он связан с представителями Совета? Чей-то родственник? Приёмыш? Незаконнорожденный? Чей? Или он не совсем человек? Но это же незаконно. Создание бионических андроидов и прочей нежити под общим наименованием «антропоморфный механизм с искусственным интеллектом» давно запрещено специальным постановлением Генеральной Ассамблеи. Давно ли отгремел этот Армагеддон?

Не может быть, чтобы спустя всего сорок лет после глобальной катастрофы, последствия которой в некоторых регионах планеты до сих пор ещё не устранены, какой-то идиот вздумает по-новой создавать сверхчеловеческие организмы. Все существующие с тех времён «киберы», а именно усовершенствованные с помощью генетических, квантовых, нано- и кибернетических технологий люди, как правило бывшие спасатели и полицейские, учтены до единого, находятся на службе в Интернациональной Полиции, в частных охранах глав корпораций. Однако досье этого Финча вызывало сомнения...

Рассуждения начальника прервал тонкий голос секретаря по внутренней связи:

– Месье Бланкар, к Вам Фишер.

Густые нахмуренные брови распрямились и приподнялись. Великан пробубнил отстранённо:

– А... да...

Тяжёлая дверь кабинета, украшенная старинными арабесками, приоткрылась, и в комнату будто ворвался ветер, на столе зашевелились бумаги, которые изучал начальник. Не успел он поднять голову, как перед ним возник худощавый молодой человек в синей форме с гладко зачёсанными тёмными волосами.

– Вызывали?

«Типичный исполнитель, функция. Внимательный, выхоленный блюдолиз. Как же я устал от этих функций...»

– Послушай-ка, Фишер, я говорил тебе подготовить по-

дробное досье на этого «выдвиженца Совета»? Говорил?

Фишера ничуть не смутил резкий тон руководителя.

– Конечно, – звонко отчеканил он.

– И что ты сделал?

– Документы перед Вами, – спокойно и уверенно ответила функция. – Боюсь, что это всё, месье Бланкар.

– Боится он, – фыркнул Бланкар и посмотрел на часы, до начала заседания Совета оставалось не более десяти минут. – Пошли. Остальное по дороге.

Они вышли из кабинета и направились в Зал заседаний на совещание Экстренного Совета, созданного из представителей всех подразделений и руководителей региональных представительств. И без того плохое настроение ещё больше портило осознание того факта, что в зале будут представители правящих Альянсов и корпораций, а также Божественные Образы. Дело дрянь.

– Рассказывай, что ты ещё знаешь об этом Финче, – потребовал Бланкар в лифте.

– Не многим больше Вашего. Вижу, Вы уже всё посмотрели, – слегка поморщившись, проговорил Фишер и забился в левый угол лифта, но и это не спасло его от удушающего присутствия начальника.

Неприятная привычка грозного бельгийца наедаться острой и жирной китайской стряпнёй в захолустной придорожной закусочной на южной окраине Лионгарда слыла

притчей во языцех всего управления. Густой и почти ощутимо маслянистый запах чеснока, лука, острого перца и вариаций соевого соуса окутывал начальника Спецотдела с головы до ног, отталкивая всех и каждого, не хуже оскаленного цепного пса у входа в КПП. Пуленепробиваемая завеса чесночного душка производила действие равное по силе заряду электро-шокера. Уф! Фишера пригвоздило к прохладной стенке лифта, а в его животе произошёл «массовый бунт», грозящий неминуемыми природными катаклизмами. Не то чтобы старший помощник начальника Спецотдела был таким уж чувствительным к запахам, да и совместная работа, вот уже пять лет почти, сделала присутствие вонючего бельгийца привычным, но и на Фишера, как и на всякого в управлении, сталкивающегося так или иначе с Бланкаром, временами накатывали приступы тошноты. Вот и сегодня любимые Фишером яйца-пашот на завтрак неумолимо запросились наружу, как только металлические двери лифта бесшумно сомкнулись.

Бланкара резкое движение помощника в угол слегка позабавило, но не отвлекло от главного – в мозгу шёл непрерывный шторм навалившихся вопросов.

– Конкретнее. Не может быть, чтобы не было сведений, кто и где его воспитывал до двенадцати лет, – нажимал он на помощника, едва помещаясь в узком для него пространстве лифта. Его голова почти касалась потолка. – Где и кто его завербовал?

– К сожалению, даже наша спецпрограмма по распознаванию личностей не дала результата, – отвечал Фишер, отчаянно борясь с подступающими к горлу яйцами-пашот. – Создаётся впечатление, что до поступления в интернат в Бате, никакого Дэвида Финча не существовало, кто-то хорошо поработал над его легендой. Ни одной фотографии, ни одной бумаги, ни одного свидетеля, ни каких зацепок. Ничего.

Фишер деловито сложил руки в карманы брюк и, продолжая оставаться на почтительном расстоянии от начальника, помолчав, добавил:

– У него и медкарта пуста.

– Как так?

– Сведений о перенесённых заболеваниях нет. Отметка «здоров» – по всем пунктам, почти как у бессмертных, хотя прививок, кроме обычных, и пренатальных генетических вмешательств у него не было точно. Амброзию не приобретал. Разве что нелегально. Но это маловероятно. У Божественного Асклепия каждая нано-капелька на учёте.

– А вредные привычки, ну, кроме этих дурацких сигар?

– Только одна: может работать без остановки сутки напролёт, доведёт до инфаркта своей активностью, достанет даже мёртвого, – начиная успокаиваться, Фишер протёр горячей ладонью испарину со лба и продолжал. – Когда пятый напарник Финча попал в госпиталь с диагнозом «полное нервное и физическое истощение», а у их начальника случился инсульт, этому «хренову андроиду», как его прозвали за глаза,

разрешили работать в одиночку.

– Одиночка... – припоминая факты досье, пробубнил сам себе начальник, кряхтя, с трудом протискивая свою исполинскую фигуру в открывшиеся двери. – И, конечно же, флегматик и современных усовершенствований – вагон и маленькая тележка?

– Да, месье Бланкар. Именно так. Импланты в мозгу, бионическая рука-трансформер, экзоскелет и видеокамера в правом глазу (включается в экстренных ситуациях по выбросу адреналина, пишет на внешнее устройство, вшитое в бионическую руку). Глаз не отличить от обычного. Всё законно, сведения о тех-устройствах с паспортами в порядке. Похоже, что на усовершенствования он тратил всё жалование, бедолага. Эти сведения не приложены в основной папке. Вот, я их только что распечатал для Вас, – и он протянул файлы начальнику, а тот в них сразу же уткнулся, выходя из лифта.

– Есть ещё кое-что... – заметил Фишер, поспешно выскочив за руководителем в закрывающиеся створки лифта.

– Что ещё, чёрт возьми?

Фишер посмотрел в сторону и добавил:

– С ним не просто...

– Договаривай, опаздываем, – наседали Бланкар, снова нахмутив брови.

– Он сам по себе. Им сложно управлять.

Начальник впервые за утро усмехнулся:

– Ну, это тебе не спорт-кар!

– Я поясню, – ретировался помощник, пригладив волосы на затылке. – Вы даёте ему задание и забываете о нём до назначенного срока, Ваши полномочия на этом заканчиваются. Всё. Он не терпит контроля, никому никогда не отчитывается. У этого типа крайне редки форс-мажоры. Любой дэдлайн назначайте – выполнит. Может за час доставить Вам в кабинет новый проект Генеральной Ассамблеи, который будет обсуждаться лишь через месяц, и секретари ещё даже не приступили к рассылке копий по регламенту.

– Хватит, – Бланкар резко оборвал вдохновенную речь помощника, подходя к Залу заседаний.

Схватившись за блестящую хромированную ручку двери, он добавил, как бы уже себе:

– Посмотрим, что это за «оно».

В зале стоял гул, все были на местах и, не сдерживая эмоций, обсуждали события последних дней. Бланкар знал, что Совет будет расширенным. Все места просторного амфитеатра Зала заседаний были заняты делегатами многочисленных специалистов и государственных деятелей.

Вон там, на первых рядах все десять глав корпораций, правящие экономикой и давящие своими требованиями на мировые правительства. Лощёные, отглаженные, напомаженные, но взволнованные. Главный среди них, конечно же, Божественный Генрик Максимилиан Брик – высокий, мощный, как гора, большеголовый, насупив густые брови, слегка

прищулив блестящие умные глаза, он сидит в своём отдельном секторе и спокойно осматривается по сторонам. Три мегалита, лежащие в основе гигантского Парфенона под названием BricksCorp, – энергетика, банковская система и связь. Что бы там ни происходило, этот тип всегда будет на коне...

– Да у него целый сектор помощников и охраны... – бурчал себе под нос Бланкар.

Поймав взгляд начальника, Фишер громким шёпотом восторженно добавил:

– Точно, месье. Его корпорация снова запустила собственный спутник на орбиту. Поговаривают, что руководство во главе с этим вот Бриком вынашивает планы захвата платинового астероида. То ли ещё будет!

Похоже, у помощника какой-то зуб на Божественных, раз говорит так непочтительно. Начальник покачал головой и продолжил внимательно разглядывать зал. Он, конечно же, искал глазами главного виновника своих напряжённых дум.

Вот рядышком с сектором глав корпораций бесятся от злобы представители континентальных Альянсов, карточные короли, номинальные правители, их ряды поредели – в панике главы Европейского и Атлантического союзов сложили с себя полномочия. Один только Мило Гнедичев, бесменный президент Евразийского союза спокоен, как удав, хотя и на его лбу испарина, сверкает крупными каплями пота. Почти не изменился, видать, пилюли и укольчики бессмертия помогают. На боковом мониторе высветились Бо-

жественные Образы, – да они больше похожи на королей и дам в колоде новомодных карт с голограммами, чем на богов. Каждый коротко поприветствовал присутствующих. Напряжение в зале растёт. Ещё бы – речь идёт о беспрецедентной ситуации.

На центральную трибуну поднялся председатель, одновременно с его появлением в зале погасли центральные и боковые лампы, и включился главный монитор, на котором отобразилось бледное лицо рыжеволосого оратора. «Ещё один ирландец, чёрт его дери...», – пронеслось в голове Бланкара. Затем Совету были представлены главы организаций, присутствующих на заседании. В президиуме напряжённо переговаривались начальники Управления, на покрасневших лицах играли желваки, глаза метали молнии. От нетерпения некоторые члены президиума так навалились на столы, что камера сначала выхватывала их сжатые кулаки, розоватые лысины и плечи, а потом уже отъезжала, чтобы поймать лица, когда те поворачивались из стороны в сторону, высказывая свои предположения. Типичная организационная чепуха полилась из колонок в уши присутствующих. Бланкар устало зевнул в кулак и напрягся, когда председатель озвучил повестку дня.

– Нам предстоит обсудить возможные причины всемирного экономического и политического коллапса и принять меры по обнаружению главных зачинщиков этой ситуации. Вместе с докладом ведущего предлагаю ознакомиться с ма-

териалами новостных каналов, освещающих сложившуюся ситуацию, и оценить масштаб постигшего человечество бедствия в свете информационного шоу, разыгравшегося на просторах интервидения. Затем мы приступим к рассмотрению полученной за последние часы аналитики, а также докладов представителей правоохранных учреждений и разведки. Нам предстоит принять непростые решения. Внимание на мониторы, пожалуйста.

Гул в зале поутих, освещение трибуны и президиума погасло. На индивидуальных мониторах участников совещания замелькали кадры хроники. Под гипнотическим влиянием голоса диктора Бланкар припоминал разрозненные факты, виденные и слышанные им уже не раз, теперь же весь исторический пазл сложился в чёткую картину, неприглядную и тревожную.

6.

Архив Спектрума

Ресурсы Всемирной Сети на протяжении двух веков занимают важную позицию в пирамиде человеческих потребностей и новейшей системе ценностей. Ещё каких-то шестьдесят – семьдесят лет назад густонаселённый мир обрёл черты единого глобального общественного механизма только бла-

годаря сетям. И в тяжёлые годы Восстановления Среды Обитания временное правительство Первой Федерации своей первоочередной задачей видело возобновление глобальной системы связи. Следом за радио- и телевидением был реорганизован и восстановлен Нейронет, объединивший локальные сети городов-убежищ и поселений Свободных Земель. Нейронет позволил централизованно управлять системами жизнеобеспечения, производством, добычей полезных ископаемых, раскопками и расконсервацией памятников культуры погубленной Последней Катастрофой цивилизации.

Спустя десять лет после глобальной катастрофы компания Парадигма, принадлежащая семейству Брик, создала Спектрум, глобальную систему управления базами данных, хранения, распределения и передачи информации.

Конкурентная борьба корпораций за последние двадцать лет переросла масштабы экономических махинаций, мошенничества и подлогов. Из-за этой подпольной кибер-войны и копящихся годами системных ошибок массовые самопроизвольные отключения систем жизнеобеспечения выкосили огромное количество людей, прикованных к компьютерам.

Последняя Катастрофа приучила человечество обходиться возможностями сети так, что большая часть населения планеты уже много лет совсем никуда не выходила: и общались только в сети, и работали, управляя механизированными системами дистанционно, поэтому не покидали своих «умных домов». Это и стало причиной их массовой ги-

бели. Сбои в системах лишали рядовых граждан электричества, воды и питания, — люди умирали от голода, наглухо замурованные в своих капсулах. Это было похоже на то, как погибали люди во время катастрофы, когда из-за системной ошибки жители были идентифицированы как мусор и смyty молекулярную переработку. Избежать новой волны паники удалось благодаря усилиям Божественного Асклепия.

Кроме того, росла угроза крупных вооружённых столкновений между охранными предприятиями, а фактически частными армиями глав корпораций. Борьба шла уже не за управление ресурсами, главным виновником конфликтов была и остаётся конкуренция за информационное господство.

Сеть — основной источник дохода для всех уже более ста лет. Иметь на службе целый штат хорошо обученных хакеров было насущной необходимостью для любой уважающей себя организации. «Кибербезопасность» всегда была наиболее востребованной специализацией в системе образования. На хакеров начали учить. Хакерские сообщества вышли из глубокого подполья и на некоторое время обрели официальный статус профсоюзов, пользуясь уважением в обществе. Работа «специалиста по взлому» высоко ценилась и оплачивалась.

После очередной кибератаки документооборот отдельных регионов оказался под угрозой. Началась путаница в базах данных сетевой экономики. Возникли серьёзные проблемы с проведением обычных онлайн-операций на уровне рядовых

пользователей.

На фоне всеобщей паники после очередной атаки неизвестных на сети мировых лидеров корпораций, когда прозрачность их махинаций стала походить на откровенно пошлую кинопродукцию, неожиданно появилось универсальное решение проблемы устойчивости кибербезопасности. Алгоритм Хитроу позволил избежать полного краха экономики и восстановить порядок.

Известный ирландский физик, Роджер Хитроу, один из той незабвенной «четвёрки смелых», кто помогли подготовиться к глобальной катастрофе, разработал алгоритм защиты данных с помощью квантовой запутанности частиц. Основы квантовой криптографии и до него применялись на практике в обслуживании мировых систем безопасности. Но поставить эти механизмы на службу обществу массовым способом было невозможно до известных работ Хитроу. Если не вдаваться в сложности его формулировок, подробно изложенных на страницах популярного научного журнала *Sciense*, суть шифрования заключалась в использовании свойств мельчайших частиц материи и квантового суперкомпьютера, разработанного прославленным физиком.

Информацию, закодированную алгоритмом Хитроу, невозможно взломать незаметным способом и каким бы то ни было образом повлиять на состояние этой информации. И подобраться к источнику и получателю информации без алгоритма было уже невозможно. Это создавало определённый

ные сложности, однако, быстро восстановленный порядок в документообороте и банковских операциях отодвинул все сложности на второй план. Простота использования алгоритма и беспрецедентная выгода конечного пользователя с лихвой окупали все нюансы.

Желая вознаградить за труды известного физика, благодарная общественность назвала его именем кратер на Луне и вознамерилась дать ему Премию Мира. Однако доктор Хитроу попросил передать причитающуюся ему награду немногочисленному народу фульбе, который проживал где-то в Африке. Представителям комитета Премии пришлось изрядно попотеть, прежде чем была обнаружена одна единственная выжившая семья фульбе, главе которой и была выдана премия (которую к тому же пришлось перевести из электронного денежного формата в предметы быта, одежду, продукты питания, питьевую воду, средства передвижения и медикаменты).

Почему Хитроу выбрал для своей щедрой благотворительности эту народность, выяснить не удалось, учёный прекратил какие-либо контакты с миром, объяснив своё затворничество необходимостью отдохнуть и приступить к новым научным изысканиям. Он заперся в своём доме в Ирландии, близ Дублина. Благодарная общественность благополучно забыла своего благодетеля, и более года об учёном не было никакой информации.

Восстановив порядок, мировые правительства столкну-

лись с другой проблемой. В который раз уже человечеству стала угрожать сама планета. Глобальная перемена климата, снова грозила повернуть полюса экономического влияния и господства. Пока правительства и главы правящих корпораций решали проблемы надвигающихся экологических катаклизмов планетарного масштаба, на сцену истории вышла таинственная и никому ранее неизвестная фигура.

Некто Голдбридж предъявил права на мировую экономику, сделав беспрецедентное заявление и обнародовав целый ряд засекреченных ранее архивных документов восемнадцатилетней давности, которые подтверждали, что именно он является истинным не отторгаемым бенефициаром семи правящих корпораций. А также он показал документы, изображающие истинное положение дел в экономике всех континентальных и островных Альянсов, на которые, довольно условно, разделена мировая политическая система на протяжении последних двадцати восьми лет.

Оказалось, что правительства Альянсов давно продали свои активы корпорациям, делая баснословные займы на много десятилетий вперёд, по этой причине стало невозможно проводить какую бы то ни было политику, не считаясь с интересами правящих элит. Кроме того, «новоявленный хозяин мира» заявил, что обладает конфиденциальной информацией, перепиской, данными банковских операций, медицинских карт каждого руководящего лица правящих корпораций, членов Лиги Наций, президентов Альянсов, а также

и каждого отдельного гражданина планеты. Как открытую книгу читает он архивы Интерпола и базы данных каждого управления внутренних дел даже самых захолустных окраин. Ему известно всё!

«Как благонамеренный гражданин планеты я заявляю, что никакая доля полученной мной информации не будет использована во вред рядовым гражданам Альянсов. Но я предприму все возможные действия к урегулированию мировой экономики и политики на благо тех, кого веками угнетали власть имущие. Те люди, кому издревле предлагалась лишь второстепенная, а то и третьестепенная роль, роль обслуги более благополучных и высокоразвитых, получают шанс занять достойное место в истории человечества. Я помогу им разумно воспользоваться этим шансом восстановить справедливость.

Поскольку я обладаю полнотой информации, охватывающей задокументированную человеческую историю как минимум тысячелетней давности, и научные достижения не остались без моего пристального внимания. Те природные аномалии, с которыми вы уже столкнулись, – это лишь верхушка гигантского айсберга экологических переворотов, которые я подготовил для решения важнейших задач, – первая из которых перемена фокусов влияния. Некоторые корректировки климата позволят нам решить проблему голода на планете, который веками не искоренялся, несмотря на достижения учёных и усилия пищевого сектора. Отныне всё будет ина-

че. Ждите новых перемен. И да хранит вас Бог!»

Последовавшие за этим заявлением массовые народные беспорядки и недовольство элит, отчасти утративших свои капиталы, ещё более разделили мир. Люди не знали, что и как покупать и продавать, – все финансовые операции оказывались нелегитимными, хотя цифры на расчётных счетах оставались прежними, но подкреплены они были исключительно воздухом, потому что все активы были в руках неведомого мистера Голдбриджа, и до его распоряжений никто не знал, что делать дальше.

Голос председателя Экстренного Совета вывел делегатов из ступора:

– Не спешите говорить, что это чушь, господа. Такова реальность. Это коллапс. И наша первоочередная задача обнаружить местонахождение мистера Голдбриджа и его сообщников. Или же – если всё-таки перед нами новая проблема проявления искусственного интеллекта, предпринять меры к остановке работы технической базы ИИ. Но прежде мы должны оценить хотя бы приблизительно масштаб этого явления, чтобы делать дальнейшие выводы.

В любом деле есть возможность дойти до крайности, до полного абсурда. Односторонний взгляд на проблему дела не решит. Тут председатель был прав.

Далее начали высказываться представители разных организаций.

Фишер слушал, разинув рот, и чуть не вываливался с балкона, где они с начальником Девятого Спецотдела разместились, с самого начала заседания заняв выгодную наблюдательную позицию. Бланкар давно сделал свои выводы по поводу появления мировой диктатуры.

Предпосылкой этого, как он считал, послужило само устройство мира: условные границы между регионами Альянсов; правительства, избираемые раз в три года электронным голосованием, – как некий пережиток демократии, рудимент, болтающийся на теле монструозного образования, по сути, управляемого раздираемыми конфликтами корпорациями, где борьба за власть и господство возведена в ранг религии; и единообразие мировой валюты – электронный реал (и-реал), обеспеченный ресурсами Глобального Банка. Поскольку почти все регионы Альянсов были объединены в единое экономическое пространство, все они союзно и были в долгах, как в шелках, у Глобального Банка, а тот в свою очередь впал в зависимость от BricksCorp ещё в далёкие времена до Последней Катастрофы. Происходило это слияние довольно долгое время, и рядовые граждане планеты не сразу смекнули, что корпорация Генрика Максимилиана Брика успешно подмяла под себя всю банковскую систему мира, а проникнув в их кухню, расшарив алгоритмы Хитроу, хитроумный диктатор Голдбридж аккуратно перелил золотишко в свой стакан. И выпил одним глотком! Как только BricksCorp передала бразды правления Голдбриджу, тут-то и стало яс-

но, что всем крышка. Только поздно уже возражать и вопить. Долг есть долг. Он, как говорят русские, платежом красен. Хитроу! Именно тут закралась ошибка.

Бланкару первому пришла в голову идея о том, что, возможно, именно через алгоритм Хитроу все базы данных стали прозрачны тому, кто и заказал это хитроумное изобретение, оплатил и воплотил его в жизнь. Таким образом, Хитроу вольно или невольно стал соучастником таинственного диктатора. Из донесений лучших оперативников, отправленных на поиски физика-изобретателя, следовало, что ирландский астрофизик Роджер Хитроу погиб в автокатастрофе при невыясненных обстоятельствах пять лет назад. Некогда Хитроу работал в группе учёных, предсказавших близкий пролёт у орбиты Земли гигантского астероида, повлекший за собой страшные катаклизмы. В личном архиве профессора не найдено ни одного намёка на то, что его когда-либо интересовала криптография, следовательно, он не мог изобрести этот чёртов алгоритм и разработать новую модель квантового суперкомпьютера, работающего без громоздких аппаратов криостатного охлаждения системы.

Показания о том, что Хитроу погиб, дала бывшая экономка, престарелая дама, которая жила в его доме и после его смерти, потому что профессор, не имея детей, завещал дом своей верной помощнице и приятельнице на склоне лет. Ему было тогда уже около семидесяти. А экономке и того более, ныне ей шёл девятый десяток, и она давно не обща-

лась ни с кем, кто мог бы поведать ей о текущих событиях. Интервидения у них в доме отродясь не было, одержимый в своё время наукой учёный считал блага цивилизации редкостной дрянью, мешающей процессу познания. В архивах полиции Дублинского округа данных об автокатастрофе и гибели Хитроу не найдено. Единственный свидетель, бабушка-божий-одуванчик жила уединённо, продукты и необходимые житейские мелочи ей регулярно привозил служащий какой-то благотворительной организации, ни о чём её не расспрашивал и сам ей ничего не говорил, потому что был глух и нем, как пробка.

Недавно обнаружилось, что и эта дама скончалась, завещав дом благотворительной организации, а та в свою очередь была зарегистрирована на подставных лиц, и найти концы, кому принадлежала эта организация, уже не представлялось возможным, да и служащий, который снабжал старушку, тоже бесследно исчез.

Айтишники Спецотдела в один голос вопили ещё при установке алгоритма Хитроу в Управлении, что тот, как спрут, охватывает все базы данных, шифрует их никому не известной кодировкой, а коды-ключи находятся на главном узле, распространяющем алгоритм по мировым сетям. Помниться, даже Фишер при всей своей тупоголовости высказал опасение, что если по какой-то причине связь с главным сервером будет недоступна, никто в Управлении не сможет добраться даже до своих собственных файлов, какое-там! —

простой рапорт начальнику никто не сможет подать по установленной форме: войдя в компьютер, ты не найдёшь там ничего, не имея соответствующего доступа к алгоритму, ни единого файла.

Добраться до основного сервера не было уже никакой возможности: мнимый Роджер Хитроу заверил общественность, что именно отсутствие доступа к главному компьютеру, генерирующему шифрование и хранящему коды-ключи, и является наилучшим гарантом того, что вся закодированная информация сохраняет свою конфиденциальность. Естественно, что и сам главный узел представлял собой некую разбросанную по миру сеть.

Поскольку угроза новых кибератак, вооружённых столкновений и гибели миллионов людей была так велика, а потери населения планеты на протяжении последних четырёх десятков лет составили более пяти миллиардов, никому уже ничего более рационального и в голову не приходило, нужно было либо принять предложенную помощь, либо ввергнуть мир в новую глобальную катастрофу.

Первыми алгоритм Хитроу подключили спецслужбы, затем госаппарат, банковская система, за ними службы безопасности корпораций, а уж там этот вирус подхватили абсолютно все, кто имел хоть какой-нибудь маломальский текст, подключенный к Спектруму, а через него к банкам и соцслужбам. Общественность ликовала! Отныне никто, совершенно никто не мог нарушить целостности глобальных

баз данных.

Хакеры были посрамлены, в них отпала всякая необходимость, и буквально в считанные месяцы все «специалисты по взлому» оказались не удел, а специализация «Кибербезопасность» канула в Лету, навсегда покинув списки учебных дисциплин. Малый бизнес и многие рядовые граждане не пользовались алгоритмом поголовно, удовольствие конфиденциальности было весьма дорогостоящим продуктом. Но в целом, в мире воцарился порядок и равновесие.

Понимая, что любое равновесие можно нарушить, начальство в Центральном Управлении Интепола и спецслужб Альянсов не дремало. Спецотделы работали на полную катушку. Задача была проста – обнаружить расположение главного сервера алгоритма Хитроу. Тот, кто первым обнаружил бы главный сервер, мгновенно становился негласным хозяином положения, пусть даже на расшифровку кодов пришлось бы потратить много лет. Оперативники и агенты рыли землю, буквально просеивали пространство континентов с пока ещё нулевым успехом. Но рвения им было не занимать.

Данные аналитики мелькали на всех мониторах Зала заседаний. Делегаты снова загудели так, что председателю пришлось всех успокаивать. Слушания и споры продолжились, но для руководителя Девятого Спецотдела вся эта возня в зале служила шумовым фоном для собственных размышлений.

Если общественность напрочь забыла и своего благодете-

ля, и необходимость быть осмотрительными в работе с информацией, то уж он-то, Бланкар, не был наивным мальчиком, система осведомителей дни и ночи без остановки рыскала в поисках малейших зацепок. И он нашёл. Шанс потянуть нужную ниточку и выудить «большую рыбу» был невелик. Но он был. И назывался он «freeman».

Хакеров и обывателей с подобными кличками на просторах сети огромное множество. Отличительной чертой этого типа, если только он не был банальным ботом, а судя по аналитическим данным за этим ником с большой долей вероятности скрывался человек, – так вот его отличительной чертой являлась потрясающая неуловимость. Проследить, с какого IP-адреса, по какому каналу он выходил в сеть, не представлялось возможным. Но в чатах хакеров он появлялся с завидным постоянством и, словно в насмешку над хитроумным новомодным изобретением, сливал своим «друзьям» информацию, которую невозможно было получить, не имея прямого доступа к алгоритму Хитроу. Либо этот freeman был гениальным предсказателем, либо частью какой-то мощной аналитической программы, которая выдавала данные об экономических событиях как минимум за сутки до того, как события имели место в реальности. Не все ему верили, полагая, что он очередной мошенник – ведь добрых дядей, которые просто так отдают на откуп чужим людям огромные возможности, не было и нет. Но те, ещё вчера нищие хакеры, потерявшие надежду хоть как-то обеспечить своё суще-

ствование, кто воспользовались данными этого «добротого дя-дюшки», подняли достаточнот большие капиталы и начали раскручивать вполне легальный бизнес.

Слушая доклады, Бланкар крутил в голове разные варианты своей речи, сопоставляя данные коллег и свои собственные соображения. Наконец, ему дали слово – заседание бли-зилось к концу, и это было добрым знаком: поимка опасных для общества голдбриджей, конечно, дело благородное, но уже давно прошло обеденное время, пора бы и честь знать. Потому, грузно ступая, нехотя переваливаясь с ноги на ногу, как медведь на опушке, Бланкар вышел к трибуне и был краток:

– Уважаемый Совет, делегаты, я не умею говорить столь убедительно и кратко, как присутствующие коллеги. Поэтому скажу следующее...

В зале слышались первые за долгие часы напряжённых прений смешки. Начальник Спецотдела продолжил:

– Что мы имеем. Некто, воспользовался именем бывшего профессора физики и предложил миру, возможно, на самом деле, изобретение настоящего Роджера Хитроу. Некто под именем Голдбридж, обладая и полнотой власти, и достаточно солидным состоянием, – Бланкар задержал взгляд на секторе Совета корпораций, – для создания и содержания подобного массива данных, воспользовался изобретением и устранил сообщников. Вдумайтесь, здесь прозвучали цифры производительности суперкомпьютера для обслуживания

работы алгоритма – свыше 400 эксафлопсов с соответствующим энергопотреблением и габаритами. И он до сих пор не найден. В то время, пока алгоритм внедрялся в гигантские архивы данных, Голдбридж предъявил корпорациям свои права. Он оперирует документами восемнадцатилетней давности. Эта грандиозная афера планировалась не на коленке и не вчера, господа. Юридические программы подтверждают подлинность документов, как и наши лучшие специалисты, значит, преступление против человечества произошло по халатности и невнимательности, а, может, и с лёгкой руки членов уважаемого Совета корпораций.

По залу прокатилась гремучая волна недоумения. Бланкар умолк. Тяжёлый взгляд его был прикован к внезапно потемневшей физиономии Брика, который метнул на трибуну суровый острый взгляд, и не проронил ни слова. Он сидел, сложив руки в замок, спокойный и невозмутимый. Председатель истово призывал делегатов к порядку и попросил руководителя Девятого Спецотдела удержаться от неподкреплённых фактами заявлений. На что Бланкар отреагировал молча – подключил свой интерфон к медиа, и на мониторах поплыли увесистые колонки цифр, диаграммы, таблицы – вся та информация, которую собирал и обрабатывал его отдел последние два года с тех пор, как запустили алгоритм Хитроу.

Секретарь Совета корпораций нервно подскочил по привычке дежурной шавки, привычке, свойственной всем под-

халимам, и торопливо заговорил, сбиваясь и коверкая слова:
– Мы не понимать. Что Фы иметь в виду? Мы фсе постра-
дать, сильно пострадать от этой голдбриджэнетерпрайзхит-
роумныйафер! И многоуважаемый Генрик Максимилиан...

В этот момент Брик резко повернул голову в сторону твя-
кающего в микрофон подхалима и, казалось, из глаз его
сверкнула молния, так, что сидящий рядом помощник ткнул
говорившего в бок с такой силой, что тот рывкнул «Ай!»,
моментально извинился и сел, согнувшись пополам. Недву-
смысленно обвинённый во всех грехах божественный магнат
невозмутимо повернул голову к трибуне и изобразил край-
нюю заинтересованность и внимание. Выдержав паузу, Блан-
кар собирался продолжить и объявить о связи Голдбриджа и
неуловимого хакера, но из зала вдруг раздался срывающийся
возглас зампреда Евросоюза, которому сегодня экс-
тренно «выпала честь» представлять свой Альянс:

– Да что же он такое, этот Голдбридж? Сколько можно
держат нас в неведении?

7.

*«Никто не исчезает бесследно»
х/ф «Поиск»*

Окрестности Стальграда, 2168г.

- мари чо нарыл
- крякер
- откудыва знаешь
- всплывает в чате
- и шо
- а то!

этот чел

сливает информацию о событиях
до того как они произошли!

- интересна

чо за тема

- фондики, индексы, цб
- бот
- говорю же наш
- идиот
- кто
- ты

придурак

- сам придур

...

- э ты куда?!?

– ...

- не нуи ни придурак

– ...

- лан я тож в отрубон спать хочу

– я тут
– и чё мне
– давай его найдём
– как
защищённая линия
хитриктрак
глаза разуй
– можна чёнить нахимичить
– вот и химичь я спаить
спать

...

– chelubey!
– чё арёш
– сам орёшь
– правильный стал
– кто
– ты
придурак
– сам придурок в тубитейке
– чё хотел
– карочи мабудь нашёл
– чё нашёл
– ни чё! придурок
нашёл того белого
– горячка штоля
– сам ты

– лан гараи

гавари

– гараю)))

работал я у божественного

помнишь

– ну

– он пас гика, из своих

– ну

– трубы гну

тот выходит в чат

часто

давно пасу

кароч

нашёл чей ник

– многобукаф

карочи

– нельзя в сети

еду к тебе

– с ума попятил

мамаша меня убьёт

тут полный бедлам

– надо спрятаться

– баишься чоль

– да

– хренова

– в метро нельзя

кинь пару ириков

на аэртакс

— не ну ахренел

— кинь не пожалеешь

инфа бомба!

— ты знаешь адрес чоль

откудова

— оттудова

это сеть

— и чё

— chelubey ей богу

ты час назад стрикнул св джона по запрещённому прото-
колу

— сдаш

— ни сы гы

кидай ирики

уже гоню в твои вонючие мытищи

— ты гониш чёртгов хакер!!!!!!!!!!!!

— не ори на меня своими буквами долбаными

— ты не ари пирдурак

...

peresvet

— чё

— едишь

— ага

— ты эта

у меня не обычная берлога
– знаю
бардель
– чёрттов крякер
– мать твоя держит
давно
не парьса
я ваще без угла и чё
норм
– гавно сдес
– в моей дыре и того боле
– peresvet спс
– на хер
– устал я от них
– не парьса
какой въезд блевать
– 3
– ёптить старьё пандуса нет
как въезжать?!
– ты чё тож инвалид долбаный
– ну
– ёпта два калеки
ща помощь оправлю
бугай ыйдет маякни
тупой
– кто

– млин бот в пальто
бугай канеш
– встречайте деф ачки меня

8.

Наукоград-10ЕА, 2163г.

Университетский информатор работал по-старинке: водишь пальцем по монитору, выбираешь нужные разделы, и электронный диктор-диспетчер выдаёт тебе порцию своего «разума». То ли дело тексоны S-класса.

Герман глянул на свой интерфон на правой руке. Крепится плотно к коже, считывая запросы прямо из головного мозга, сигналы идут от миниатюрной гарнитуры за ухом, которую и разглядеть-то невооружённым глазом сложно, она тебе и приёмник вместо громоздких наушников, и передатчик простых команд для основных функций интро и пластичного монитора, который можно носить отдельно. А ещё он связан с системой, встроенной в солнцезащитные очки особой модели. Конечно, такие устройства не всякому по карману, потому что делаются под заказ, индивидуально. А эти и того уникальней – со множеством дополнительных функций.

Несмотря ни на что, любое железо, работающее на софте судного дня или совместимое с новыми моделями цифровой

техники, использовалось до последнего. Из экономии ресурсов. Да и с производственными мощностями во многих регионах напряг. Особенно в таких окраинных, как этот северный остров, где-то на краю обжитой карты. Великое Королевство прошлого с глобальной катастрофой окончательно пришло в упадок, хотя по-прежнему носило гордое наименование. Вся элита давно перебралась на материк. Одна королевская семья только и держала марку в столице. Но лучший мировой наукоград всё же расположился именно тут – в память о лучших университетах, некогда взрастивших великих учёных планеты.

Возле будки с информатором возился парень в жёлтой полинялой рубаше, гиковских штанах цвета побеждённого милитаризма, этаких штанинах с десятком карманов, набитых до отказа, и шкафоподобным рюкзаком за плечами. С такой копной рыжих длиннющих волос, неаккуратно перехваченных цветастой резинкой на затылке, и окладистой бородой он вполне сошёл бы за представителя пиеков («последних и единственных кретинов»), прозванных так за то, что эти разнузданные косматые неандертальцы второго тысячелетия курсируют по дорогам от убежища к убежищу, распевают дурацкие своего же сочинения песенки, придерживаются так называемой философии древних хиппи, нигде не работают и живут с нулевой пользой для общества. Но этот молодой рыжеволосый детина, неуклюже тыкающий большими пальцами в монитор информатора, вряд ли принадлежал мень-

шинствам пиеков или им подобным. Сюда, на кампус Университета не то, что пиеков, ни смертных, ни киберов не пустят и на ничтожную сотню шагов, – территория городка, издревле облюбованного учёными, закрыта невидимым электромагнитным щитом.

Не нарушающий дикую красоту окрестных пейзажей «заборчик» обнимает Наукоград-10ЕА, а на подступах к нему тут и там красуются предупредительные щиты с надписями «Стометровая зона. Внимание – магнитный удар!» (Don't come up or you'll be killed off). Чтобы жить и заниматься исследованиями здесь, в научном раю, нужно иметь не только спецдопуск с электронным ключом, но и связи, хорошие такие нейронные связи в башке.

Судя по тому, что у бородача с рюкзаком была большая голова, широкий и высокий лоб, он, должно быть, обладал интеллектом, вполне себе годным для работы в местных лабораториях. Герман задумчиво потёр гладко выбритый подбородок и подумал, что неплохо было бы и ему обзавестись уже какой-нибудь растительностью на лице, для солидности, – разумеется, не такой экзотичной, как у этого детины.

Какой-нибудь техник или аспирант-самоучка. Тут таких всегда десятка два-три болтается, особенно, весной и летом, когда открыты всевозможные курсы и знаменитые профессора читают лекции прямо на берегу реки или на лужайках возле жилых корпусов и столовых. Когда идут дожди, все слушатели перемещаются в огромные конференц-залы, быв-

ших некогда соборов и церквей, и тогда показывают много видеоматериалов, и можно ознакомиться с тематическими монографиями и даже прикупить настоящую «живую» печатную книгу.

– Мистер Чебышев, на Вашем счету пятнадцать и-реалов, – приятным женским голосом по-русски вещал информатор. – Для прохождения дополнительных очных курсов для докторов наук по специальности «Эксплуатация автоматизированных систем специального назначения» необходимо ещё четыре тысячи девятьсот восемьдесят пять и-реалов.

– Слышь, ты, консерва! – рыжий хватил табло ребром ладони. – Куда девались чёртовы пять тысяч?

От удара пластиковую коробку перекосило, монитор замигал и через пару секунд окончательно сдох. Сработала система безопасности, и из соседнего здания к будке информатора неуклюже бежали два охранника в чёрной форме. Из окон лабораторных корпусов традиционного квадратного двора поглядывали любопытствующие: кто-то засвистел, кто-то расхохотался, другие лениво переглянулись и закрыли окна плотнее, чтобы не слышать ни грохота, ни сирены.

Лохмач колотил тексон и чертыхался, смачно сплёвывая на лужайку. Герман мгновенно среагировал, дал мысленные команды через интро и быстрым шагом направился к новичку:

– Помочь?

Спохватившийся хулиган остановился и обессиленно опу-

стил руки. Герман подошёл ближе, встал перед ним и, широко улыбаясь, развернулся лицом к охранникам. Сигналы безопасности отключились, будто бы сами собой. Бегущие притормозили, перешли на шаг, заведя, кто раскрыл им свои объятья.

– Господин Брик? Что здесь происходит? – спросил старший дежурный с лёгкой одышкой.

Солнце пекло, и дежурному пришлось снять кепи, чтобы убрать пот со лба.

– Всё в порядке, Мортон. Ложная тревога, – заверил служителей порядка добродушный благодетель. – Тексон сломался. Я уже всё уладил, техники едут. А это господин Чебышев, с ним тоже всё хорошо. Можете быть свободны.

Бородач притих у будки, сконфузился, втянув голову, понимая, что влип. Он попытался, открыть приборную панель, но её заклинило, оттого он медленно и безнадёжно развернулся к говорящим. Он хотел, было, поднять руки в знак повинования, но быстро сообразил, что это лишнее. Второй охранник направил камеру стандартного анализатора на него, просканировал, показал данные Мортону, тот кивнул, оба по уставу слегка склонили головы перед молодыми учёными, взяли под козырёк и покинули лужайку, бойко переговариваясь.

– Это что за балет? Ты кто такой? – бородач распрямился, воткнул руки в боки и навис тучей над своим спасителем.

– А я думал, ты хочешь сказать «спасибо», – невозмути-

мо ответил тот, всё ещё улыбаясь. – Брик, Герман Брик, к Вашим услугам, сэр.

Он протянул недавнему хулигану руку. Громила приподнял одну бровь, пристально вглядываясь говорившему в лицо, и тоже машинально протянул руку для приветствия.

– Снимаю шляпу, Брик. Как это ты ловко всё обстряпал. Фьють – и клопов, как ни бывало! – он сделал движение руки над головой, будто действительно снимает головной убор, и расхохотался. – Прям гора с плеч. Хотя... по ходу, голова моя с плеч...

Почесав косматый затылок, он глянул в свой интро и снова выругался:

– Вот метёлки интегральные, крякеры-крекеры, что б их! На два пи разделить и по башке квадратным корнем! Установил же-ж новый блокатор...

– Деньги сейчас тебе вернут.

Мысленно отдавая нужные распоряжения, Герман расположился на траве, хотя рядом с информатором были несколько деревянных скамеек. Его белая рубаша, словно маяк, сияла на зелёной лужайке. Он подставил светлое довольное лицо тёплому июльскому солнышку и надел угольно-чёрные непроницаемые солнцезащитные очки вытянутой формы со змеевидными дужками. Здесь, в южной часть картонного королевства, июль всё ещё был самым приятным временем, когда можно было наслаждаться более-менее сухой и солнечной погодой.

Бородач опасливо огляделся, зная, что в Университете по старым правилам на газонах, где ничего не растёт, даже ходить нельзя, оштрафуют на четверть ПЦ, потом всю жизнь не расплатиться. Увидев поодаль деревья, кусты, ещё скамейки, красивые кованые фонари и цветники, он успокоился – им ничего за сидение на лужайке не будет – и уткнулся в свой простенький, местами сильно покоцанный интро. Видимо, приступы гнева частенько случались с этим странноватым на вид молодым доктором физико-математических наук из далёкого Кремлёвского Убежища. Он потёр глаза кулаком, помотал головой, зачем-то постучал интерфоном по ладони, сводя в голове два и два.

Герман знал о нём уже достаточно, чтобы понять, кто он и что здесь делает. Несмотря на свою грубоватую манеру обхождения с окружающим миром, Виктор Чебышев почему-то сразу же показался ему интересным и даже забавным. Судя по тому, как быстро он двигался в науке и в свои двадцать три с четвертью освоил докторскую степень и успел поработать в самых мощных научных центрах, с мозгами у него было всё в порядке и даже более того, а это означало, что с парнем есть, о чём поговорить. Косматый бородач округлил глаза, когда на мониторе интро засияло число с тремя нолями.

– Не делай такие страшные глаза, стрекозок распугаешь. Гляди, какие милашки.

Над золотисто-медовой шевелюрой Германа зависли три

малюсеньких зелёных стрекозьявки, серебристые крылышки трепетали и переливались на солнце. Недавний нарушитель порядка расстегнул нагрудные ремни и сбросил рюкзак, который с грохотом рухнул на траву. Пугливые создания тут же исчезли, спасаясь от грузно присевшего рядом рыжего бородача.

– Ты управляешь интро в башке, что ли? – недоумевал он, разглядывая навороченный тексон на руке раскинувшегося на лужайке Германа.

– Точно.

– Умно. Я таких не видел ещё. Где взял?

– Собрал, – закрыв глаза от удовольствия под яркими лучами, лениво проговорил Герман.

Поправляя растрепавшиеся волосы, сгребая их снова под резинку, Чебышев вопросительно глянул на него и промычал что-то невнятное. На что снова получил краткий ленивый ответ:

– У меня тут своя лаборатория и сборочный цех по соседству. Так, на всякий случай.

– А тебе сколько лет, что ты такой шустрый? – всё ещё возясь с нечёсаной «причёской», не отставал рыжий.

– Восемнадцать. И что?

– Нормально. Самое время – крутиться и успевать. И что за система?

Герман достал из кармана узких синих брюк мягкий монитор и развернул его на ладони. Тексон, как живой, сам со-

бой засветился, показалась заставка системы, и монитор «поздоровался» с учёными тоненьким электронным голоском. Герман протянул монитор Виктору:

– Знакомься, это Николай Васильевич Гугол.

– Чего? – подпрыгнул визави. – Ты назвал интерфейс именем писателя, что ли?

– А что? В детстве я зачитывался гоголевскими историями. Знаешь, вот эти «Вечера на хуторе»...

– Ага, «Близдик Аньки»! – надрывался от хохота рыжий.

Герман легонько пихнул его и, тоже смеясь, добавил:

– А ещё я любил «Мёртвые души» и «Ревизора». До сих пор перечитываю временами.

– Что ты читаешь, пиксел? – бахвалился бородач. – Вот, смотри!

Он похлопал себя по карманам, что-то ища, достал старенький планшет, чего-то с ним покумекал, передразнивая приветствие бриковского интерфона, и, наконец, показал Герману заставку нового шедевра. Выпучив глаза, он заговорил таинственным голосом, намеренно растягивая слова и, очевидно, для большей убедительности, размахивая свободной рукой перед глазами собеседника:

– Ланкастер Рой, «Ночь восставших из ада». Кровавое месиво, зловещие мертвецы, ууужас и страсть. Бррр... – он передёрнул плечами. – Будоражит нервы...

– И высасывает мозги, – подытожил библиофил.

В ответ бородач приподнял брови, утвердительно кив-

нул и, прищурив один глаз, спросил:

– Ты серьёзно, что ли любишь читать Гоголя?

– Да. А что?

– Ты же европеец, вроде, а читаешь русские сказки. И говоришь по-русски – не отличить от меня, может, даже лучше. Как так?

– У меня мама русская, и наша основная усадьба находится в регионе Черноморского казачества, – улыбнулся Герман, поднялся и сел. – Язык Толстого и Достоевского с рождения стал для меня основой мышления. Он невероятно богат. И классику я уважаю. Вообще, люблю «живые» книги, те, что шуршат.

– Да я ведь это... тоже, как бэ...

Собеседник полез в рюкзак, и оказалось, что в боковых карманах его заплечного шкафа с лямками аккуратно обёрнутые прозрачными обложками лежат самые натуральные печатные тома – Гоголь, Толстой, Чехов, Горький. Издания более чем семидесятилетней давности. Откуда он их только достал? Немеркнущая русская классика – в одной обложке. Парни молча, уже почти совсем по-дружески пожали друг другу руки, и Герман, как ни в чём ни бывало, прикаrmанил томик рассказов Чехова. Бородач довольно ухмыльнулся и запихал свои богатства обратно в рюкзак.

– Ладно, хулиган. Вставай, пора червей кормить, – ловко вскочил на ноги библиофил.

– Не понял, – рыжий поднял голову.

– Ну, как там говорят: «червячка заморить». А я говорю так: пообедай со мной – и я скажу, кто ты. Есть хочу до ужаса, бармаглота бы слопал.

– А я слона, если бы нашёл хоть одного...

9.

«Всё проходит, но принимается в расчёт»

Городишко, название которого лет сто назад всё ещё можно было перевести, как «бычий брод», больше походил на сельское поселение городского типа. Таких городков мало осталось в Европе. По сравнению с гигалолисами, в которые за последние сто лет превратились все некогда крупные промышленные города, а также городами-убежищами и центрами науки и искусства, куда давно сбежали все более-менее прогрессивно мыслящие люди, этот милый сердцу каждого учёного уголок хранил в себе следы далёкой средневековой истории. Он походил на спящего на холмах у реки архаического дракона со вздыбленной к небу щетиной – шпилями готических крыш, башен и стен.

Академический дух пролетевших со скоростью звука эпох витал над старыми мостовыми и укатанными в железобетонное покрытие дорогами. От каменных стен веяло прохладой, из окна какой-то аудитории вываливался наружу избы-

ток звуков генделевской сарабанды, по улицам нагруженные оборудованием сновали роботехники и уборщики. И от них, и от зависающих тут и там дронов-наблюдателей исходило лёгкое гудение. Роботы выглядели до того забавно, с нарисованными на корпусах смешными мордочками, что Чебышев, глядя на них, невольно улыбался в усы.

Он мог бы и сам починить этот дьявольский информатор, да только Брик уж шибко быстро подсуетился. Нет, он, конечно, благодарен парню. Конфуз тот ещё, если бы охранники сообщили руководителю, что новоприбывший доктор наук в порыве гнева раздолбал ни в чём не повинный аппарат. Шутка в деле? Чёртовы крякеры – развелось же их! Он, безусловно, заработает в три раза больше за год усердного труда, но он же здесь не на год, а на целых два. Деньги, конечно, вещь такая, их много не бывает. Но ведь этих пяти тысяч тютельница в тютельница хватало на оплату очного курса по работе со спецтехникой, а ему, ну, до зарезу надо овладеть навыками управления новыми системами. Проживание, питание и прочие мелочи в городке предоставлены всем его обитателям совершенно свободно – только живи и занимайся наукой в полную силу, да ещё совершенствуйся в разных областях знания, нарабатывай нужные навыки, твори, совершай открытия, двигай прогресс.

Чебышев, разумеется, обалдуй, как говорила мама, она всё-таки профессор математики и знает точные определения всему на свете. А уж про своего непутёвого сына и подавно

помнит все цифры после запятой, но как же всё-таки его так угораздило. Он недоумевал и чесал бороду на ходу. Да если бы этот аппарат не сообщил ему голоском Дейзи Блэк, что у него на счету пять ириков, если бы он хоть глазком глянул в монитор своего интро и на секунду раньше сам заметил пропажу средств, было бы не так обидно. А он, как последний болван, поплыл, представив, что старлетка из империи грёз стоит рядом, щебечет о всякой ерунде и нежно теребит его косматую гриву. Но это был всего лишь порыв ветра, и милашка Дейзи невозмутимо сообщила о таком фиаско – ну, как тут сдержаться?

Тем временем молодые люди пришли в Главный Холл колледжа, который местные в шутку прозвали колледжем Святого Одина то ли за монументальность кладки стен, то ли просто в пику отжившим свой век старым именованиям некогда учебных корпусов в честь святых угодников и божественных атрибуций. Так пояснял молодой Брик, пропуская неофита на входе вперёд.

Он оказался славным малым, этот Герман, несмотря на свои манеры «хорошо воспитанного мальчика». Однако у него умный взгляд и, судя по недавнему поступку, доброе сердце. Наличие сердца, вообще, вещь редкая, а про доброту и говорить нечего, скоро и слово потеряется, как забытая гайка. Так иногда бывает: разобрал какой-нибудь механизм, потом собрал его назад, и одна единственная гайка осталась, вроде как лишняя. Включил агрегат – он, зараза, работает,

как часы, и без этой самой гайки. Но ведь она к чему-то была там привинчена, зачем-то нужна была до того, как ты всё разобрал на запчасти. И вот она предательски лежит на ладони и смотрит на тебя потерянно и одиноко. Ты засовываешь её в карман и напрочь забываешь. Так и с добротой. Потому и человек с добрым сердцем – вымирающий вид, не иначе. А этот экземпляр, гляди-ка, вполне себе жизнеспособен – идёт уверенно впереди, руками широко размахивает, голова с развивающейся светлой шевелюрой приподнята, осанка, стать – ну, твой Аполлон Бельведерский, не иначе, со всеми здороваётся, все ему кивают, машут приветственно, улыбаются. И сам он белозубо щедр на ответные приветствия и улыбки. Одет парнишка, конечно, несуразно. Зачем, например, этот галстук-бабочка с рисунком звёздного космоса или эти вот подрезанные узкие штаны, белые не то кроссовки, не то сандалеты на толстой подошве и чёрная накладка на предплечье? Ни дать, ни взять – вожатый-супергерой, сбежавший из пионерлагеря времён развитого социализма. С тексоном это он, конечно, умно придумал – выдавать команды сигналами мозга. «При случае надо бы и себе отмутить», – думал пристыженный физик, кряхтя под тяжестью ноши, взбираясь по местами отбитым старинным ступеням Главного Холла и проходя в столовую залу.

Уже на входе нос приятно обдало запахами жареного мяса, хлеба, каких-то печёных вкусняшек, свежей зелени и овощей.

– Щас захлебнись! – довольный предвкушением обеда воскликнул новоиспечённый член местного сообщества.

– И попрошу заметить, всё натуральное, – отметил юный Аполлон с гордостью.

– Ууу! – промычал неофит и освободился, наконец, от рюкзака в небольшом коридоре, служащем гардеробом в иное время года.

Продукты синтетической химии и генной инженерии, упакованные в вакуумные тубы и пакеты, спокон веку отвечали главному требованию цивилизации – быть питательной и полезной для здоровья пищей, чтобы прокормить миллиарды голодных ртов. Отведать «натуралочки» типичному горожанину практически негде, сельское хозяйство – доходное хобби для немногих избранных, живущих на плодородных землях. Городки и поселения с натуральными хозяйствами можно встретить ещё в некоторых регионах, но там, где возделывание земли было и остаётся затруднено или уже напрочь вытравлено катастрофами, войнами и химией, на помощь людям приходят синтетические производства, которые тоннами выдают как «быструю еду» в питательных батончиках, таблетках, порошках, смесях и коктейлях, так и продукты, полностью имитирующие натуральные, из которых всевозможные рестораны готовят свои дорогостоящие изыски. Можно и самим что-нибудь сварганить, только нет на то никакого времени, да и рецепты и навыки давно утрачены.

Как всякий, уважающий себя человек, Чебышев позволял себе хорошую «имитацию» по особым случаям. Когда-то у людей были всевозможные праздники, и в сознании каждого человека где-то глубоко сидят ещё эти анахронизмы, потому принято отмечать Всемирный День Спасения, Новый год, Олимпиаду, ну, и какие-то личные, реже семейные дни особых достижений и событий. Можно даже пригласить друзей или родных на обед по случаю, чтобы хоть как-то компенсировать недостаток живого общения. А в остальном – довольствуйся синтетикой и разговорами в мессенджерах.

Чебышев огляделся, подыскивая удобное местечко в столовой зале, больше походившей на изображения монастырских трапезных, которые можно увидеть в собраниях старинных художественных галерей. С высокого потолка свешивались вниз множество ламп, вдоль одной стены простирались витражные окна с древней религиозной мозаикой высотой до самого потолка. Стены кругом были украшены деревянными панелями с резьбой (какое невероятное расточительство ресурсов!). Столы стояли рядами через весь зал, с двух сторон возле каждого стола деревянные лавки. Сервировка отменная – на каждом столе корзинки с ароматным свежим хлебом и румяными печёными пирогами, фарфоровый сет для соли и специй, ажурная салфетница, графин с водой и восемь аккуратно разложенных кувертов, включая сервировочные тарелки и стаканы для воды. Здесь точно не питаются синтетикой!

Учёные всех возрастов, полов и рас сидели там и тут, обедали, разговаривали, что-то бойко обсуждали, смеялись. Каждый обслуживал себя сам, принося выбранные блюда на подносах, а те, кто уже поели, убирали свои приборы, так же на подносах вынося их в боковую дверь. Вокруг царил невообразимый, но почему-то приятный гул из человеческих голосов и позвякивания посуды.

Пройдя немного вперёд по залу, молодые люди свернули в зал поменьше, там столы и холодильники с прозрачными стенками ломились от еды, которой физик за все свои двадцать три года с хвостиком даже не видел ни разу, не довелось. И вот оно – мечта гурмана!

– Ну, что, дорогой друг, – обратился к нему Брик, – выбери себе блюдо по вкусу и наливай любой напиток. Смотри, тут разные вариации чайных, кофейных, овощных, фруктовых и ягодных.

– Глаза разбегаются...

Ошарашенно и нерешительно Чебышев стоял в сторонке, переминаясь с ноги на ногу. Он и, в самом деле, был обескуражен таким обилием и разнообразием натуральной пищи. Наконец, он потряс головой, словно стряхивая остатки сна, подошёл к столам и осмелел.

Если бы не удобные раскладывающиеся двойные подносы, физику пришлось бы дважды ходить за едой. А так, он набрал всего, чего душа пожелала. И пожелала она суп с мясными шариками, которые сам Чебышев называл фрикаделька-

ми, а Брик – кнедликами, затем две больших свиных котлеты с томатным соусом и горой отварного картофеля со свежей душистой зеленью, большую порцию салата из нарезки куриного отварного филе, вареных яиц и овощей, заправленного каким-то густым белым соусом. И напоследок две порции томатного сока. «Хороший мальчик» питался скромнее – к порции супа «с кнедликами» он добавил филе ягнёнка под сливочным соусом – «по-пьемонтски», так он это называл, к мясу также отварной картофель, но с долькой свежего ананаса и стакан свежавыжатого апельсинового сока.

Когда физик затарил двойной поднос, и они с новым знакомым пробирались к свободному столу в обеденной зале, кто-то сзади уверенно похлопал его по плечу. Чебышев вжал, было, голову, памятуя о своей неловкой выходке во дворе соседнего корпуса, но увидев улыбающуюся физиономию Брика, понял, что можно расслабить пальцы на ногах и повернулся.

– Ну, здравствуйте, юноша, – степенно приветствовал его седовласый господин в белом халате поверх обычного академического костюма.

Неуклюже поставив поднос и лихорадочно достав свой интро, Чебышев включил переводчик и кое-как выдавил стандартное приветствие. Улыбаясь, престарелый наставник, снова похлопал его по плечу и добавил:

– Хорошо, хорошо, осваивайтесь тут. Покушайте, и не забудьте явиться ко мне в лабораторию, чтобы мы, как следу-

ет, познакомились. Наслышан, наслышан Вашими успехами в систематизации огромного массива данных, собранных на коллайдере за последние пятьдесят лет перед Великой Катастрофой. Это большой труд! Очень большой. Похвально. Жду Вас.

Седовласый учёный сделал лёгкий кивок в сторону Брика, достал из нагрудного кармана халата большие очки и направился к столам за своим обедом, насвистывая что-то легкомысленное.

– Это профессор... – начал, было, Брик.

– Эпингейм... – продолжил сконфуженно Чебышев. – Я и забыл, что не представился ему. Какой же я болван! – и он звонко шлёпнул себя по лбу.

– Не переживай, – успокаивал новый знакомый. – Это всё мелочи. Ты вот мне лучше скажи, чего у тебя с языком. Далеко с переводчиком тут не уедешь.

– Да, знаешь, никак не могу осилить этот треклятый ново-английский. Дохожу до времён и впадаю в бешенство. А уж про изыски произношения и правила чтения, вообще, – труба дело!

Брик понимающе кивнул и с улыбкой добавил:

– В былые времена сами лингвисты спивались из-за банальной невозможности правильно записать фамилию иностранца даже несмотря на значительные упрощения правил чтения. Ничего, в лаборатории Эпингейма есть установка-интенсив, помогает включить в работу нужные участки

мозга для определённой работы, ты быстро освоишься.

Наконец, они уселись за стол и приступили к еде. Брик, конечно же, манерничал, чем немало раздражал неофита. Чебышеву хватило бы только ложки из столовых приборов, чтобы уплести неимоверную вкуснятину за один присест. Нет же-ж, этот безусый аристократ, будь он неладен, аккуратно разложил матерчатую салфетку на коленях, взял ложку и, едва зачерпывая бульон, без единого звука отправлял её в рот. А уж как он ел ягнёнка, управляясь ножом и вилкой, можно было бы сонет насочинять. Тьфу!

Рядом подсел низкорослый лаборант-химик, от которого несло аммиаком, и, бесцеремонно поедая пирожки с их корзинки, довольно громко стал объяснять кому-то в свой громоздкий интро старой модели, сколько ему здесь платят. Затем он отключил интро и обратился к невольным сотрапезникам:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.